

ДЕНЬ И НОЧЬ ВЪ СЕВАСТОПОЛЬ.

Сцены изъ боевой жизни.

(Изъ записокъ артиллериста.)

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

Приступая къ изложенію нѣкоторыхъ сценъ изъ боевой жизни Севастополя, считаю необходимымъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ объясненій, для ознакомленія читателей съ мѣстностью, на которой происходили описываемыя мною дѣйствія, и съ общою характеристикою участвовавшихъ въ бою.

Изъ внѣшнихъ береговыхъ батарей, на южной или городской сторонѣ Севастопольской бухты, самая передовая, совершенно отдѣленная отъ двойнаго ряда внутреннихъ укрѣпленій, — *батарея № 10*, — построенная на берегу Карантинной бухты, на двухъ выдающихся мысахъ, занимала по берегу протяженіе въ 200 сажень и предназначалась для защиты Карантинной бухты и дѣйствія во флангъ и тылъ кораблей, приближающихся по фарватеру, во входу въ главную Севастопольскую бухту. Батарею эту составляли двѣ исходящія закругленныя части, соединенныя ломаною куртеной, состоявшія изъ земляныхъ брустверовъ слабой профили (отъ 16 до 20 футовъ). Съ сухаго пути окружала эту батарею весьма низкая земляная насыпь полевой профили, съ бревенчатымъ палисадомъ, въ которомъ были прорѣзаны бойницы для ружей. Кавальеръ, съ тремя полупудовыми единорогами, служилъ для горжевой обороны, а бревенчатый капониръ, для обстрѣливанія рва двумя небольшими каронадами.

Лѣвая закругленная исходящая часть этой батареи, самый передовой пунктъ береговой обороны и мѣсто дѣйствія описываемыхъ ниже сценъ, имѣла тройное назначеніе. Лѣвый фасъ ея былъ вооруженъ четырьмя полупудовыми единорогами и двумя пяти-пудовыми мортирами, для обстрѣливанія Карантинной бухты и мѣстности за нею. Съ закругленія этой исходящей части могли быть направлены, въ открытое море, только три одно-пудовые и одинъ полупудовый единорогъ. Правый же фасъ ея могъ дѣйствовать только по направленію къ городу и къ Константиновской батарее, т. е. въ тылъ и флангъ проходящимъ судамъ. Далѣе слѣдовала куртеной и лѣвый фасъ правой

исходящей части, вооруженные направленными въ море пушками 36-ти-футовыми (26), бомбовыми трех-пудовыми (2) и мортирами пяти-пудовыми (3). Возвышающаяся отъ берега мѣстность батареи № 10 совершенно открывала съ моря всю ея внутренность, съ небольшимъ, слабо блиндированнымъ складомъ для снаряженныхъ снарядовъ и каменными, легкой постройки, казармами для нижнихъ чиновъ, стоявшими совершенно открыто. Даже самые фасаы батареи могли быть продольно обстрѣливаемы съ моря, потому что направление ихъ обуславливалось только одною кривизною берега и цѣлію всей постройки: обстрѣливать фарватеръ, пренебрегая собственною обороной. Только главный пороховой погребокъ, находившійся у лѣвой исходящей части, былъ хорошо прикрытъ съ моря особымъ брустверомъ, совершенно отдѣлявшимъ эту часть батареи, въ родѣ высеной, горжевой стѣны, съ двумя узкими входами по краямъ. На насыпи надъ пороховымъ погребомъ стояла еще одна пяти-пудовая мортира.

Орудійная прислуга вѣдшихъ береговыхъ батарей, № 10 и Александровской, состояла изъ артиллеристовъ бывшего севастопольскаго артиллерійскаго гарнизона. На батареяхъ Волоховой и Карташевскаго, при орудіяхъ были моряки, а на Константиновской батарее, на половину артиллеристы и на половину нижніе чины резервнаго пѣхотнаго баталіона, обученные дѣйствию изъ орудій. На внутреннихъ батареяхъ, и въ томъ числѣ на №№ 7 и 8, орудійная прислуга была собрана изъ мастовыхъ и рабочихъ экипажей, большею частію изъ мастеровыхъ, незнакомыхъ вовсе съ орудіями и ихъ употребленіемъ. За годъ предъ войною приступили къ обученію ихъ при орудіяхъ, для чего они освобождались отъ работъ въ мастерскихъ и высылались на батареи по два раза въ недѣлю. Обученіе ихъ, не стѣсненное никакими формальностями, ограничивалось, по собственному назначенію князя Меншикова, лишь выполненіемъ простѣйшихъ дѣйствій, по самымъ простымъ приказаніямъ: «подай, братецъ; влажи, братецъ; пали, братецъ!» Необходимыя прислугѣ знанія артиллерійской матеріальной части также объяснялись имъ самымъ простѣйшимъ образомъ, напримѣръ, въ родѣ предложеннаго вице-адмираломъ Нахимовымъ объясненія различія ядра отъ бомбы: «ядро—хлѣбъ, булка; бомба—пирогъ съ начинкой».

Но и сами артиллеристы были обучены стрѣльбѣ недостаточно. Плавучую мишень, или парусинный щитъ на плоту, съ веревочными сѣтями по сторонамъ, длиною шесть, высотой двѣ сажени, вывозили на фарватеръ и устанавливали неподвижно на якоряхъ, саженьяхъ въ 500—650 отъ передовыхъ батарей, въ прямомъ направленіи

относительно орудій, обстрѣливавшихъ фарватеръ. Орудія направлялись въ окрашенную на срединѣ щита бѣлую полосу, съ чернымъ яблокомъ въ центрѣ. Почиталось за большее искусство попасть въ яблоко, или сбить щитъ надъ поверхностью воды. Такая стрѣльба не давала, конечно, никакого понятія о дѣйствіи противъ корабля, при которомъ наиболѣе успѣшными выстрѣлами могли быть только тѣ, которые попадали въ подводную часть. Мишени почти всегда ставились въ одинаковомъ разстояніи отъ батарей; направленіе стрѣльбы никогда не измѣнялось, заряды и даже орудія всегда употреблялись одни и тѣ же. Предполагалось, что непріятель могъ атаковать батареи не иначе какъ только съ явора, или шпринга, т. е. остановясь неподвижно; что онъ будетъ подходить къ батареямъ не иначе, какъ по главному фарватеру и непремѣнно посрединѣ его; что слишкомъ близко къ батареямъ онъ не посмѣетъ подойти, потому что будетъ разбитъ въ щепы, а слишкомъ далеко, на 700—800 сажень, не стрѣлять не слѣдуетъ, такъ какъ дѣйствіе гладкостѣнныхъ орудій на этомъ разстояніи совершенно невѣрно и потому бесполезно.

На практическихъ ученяхъ стрѣляли только неразрывными бомбами, которыя легко проникали сквозь парусину и веревочныя сѣти щитовъ; попадая же въ тонкую раму ихъ, совершенно разбивали и опрокидывали щиты. Отсюда неправильное представленіе о возможности разбить корабль въ щепы, взорвать и потопить его нѣсколькими удачными выстрѣлами. Неподвижность цѣли и увѣренность, что она не только не уйдетъ изъ подъ выстрѣловъ, но даже нисколько не передвинется, давала возможность наводить орудія весьма медленно и провѣрять наводку при участіи орудійнаго фейерверкера и взводнаго офицера. Это лишало наводчиковъ самостоятельности и самоувѣренности, необходимыхъ въ дѣйствительномъ бою. Стрѣляли обыкновенно не тотчасъ какъ орудіе было наведено, а спустя нѣкоторое время, по особой командѣ, внесенной въ уставъ орудійнаго ученя, по которому даже труба для сообщенія огня заряду ставилась уже послѣ наводки.

Въ дѣйствительномъ бою, непримѣнимость къ дѣлу такихъ приемовъ при движеніи судна заставляла, какъ это оказалось при примѣрной атакѣ Севастопольской бухты, спѣшить выполненіемъ этихъ приемовъ или, пренебрегая ими, какъ непригодными къ дѣлу, дѣйствовать по своему. Въ обоихъ случаяхъ не сохранялось ни спокойствія, ни хладнокровія, необходимыхъ для точности и самоувѣренности дѣйствій, а появлялись, вмѣсто нихъ, суматоха и суетливость.

Стрѣльба изъ мортиръ въ море не только никогда не испытыва-

вѣлась, но по малому числу и разрозненному положенію ихъ на береговыхъ батареяхъ, по одной, или не болѣе двухъ вмѣстѣ, дѣйствіе изъ мортиръ, для большинства, было положительно неизвѣстно. Обучали только примѣрному заряданію, употребляя вмѣсто мортирь боченки и вмѣсто банниковъ, для чистки ихъ, палки, съ навязанною тряпкою. Правда, на учебной батарее стрѣляли иногда изъ двухъ мортирь, бомбами безъ разрыва, по земляному городку; но для такой стрѣльбы готовилось не болѣе двухъ, трехъ смѣнъ на смотры, т. е. отъ 20 до 30 человекъ въ ротѣ. Оттого многіе изъ артиллеристовъ не имѣли даже понятія о дѣйствительномъ заряданіи, а тѣмъ менѣе о наведеніи мортирь. При такихъ условіяхъ, мортиры вовсе не могли быть употреблены для дѣйствія, не только по движущимся, но даже и по стоящимъ на якорѣ судамъ. Возможность попасть въ корабль была для нихъ такимъ рѣдкимъ исключеніемъ, на которое никакъ не слѣдовало рассчитывать.

Очевидно, что это не давало никакого права помѣщать на чертежахъ огневыхъ линій Севастополя расчеты, что приближающійся по линіи фарватера корабль, въ 1,200 саженьхъ разстоянія отъ входа, встрѣчаетъ огонь четырехъ трехъ-пудовыхъ пушекъ, а съ 1,000 сажень, огонь четырехъ такихъ же пушекъ и *шести пяти-пудовыхъ мортирь*. На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ существовавшихъ тогда артиллерійскихъ руководствъ, вѣроятность попасть въ движущійся корабль, хотя бы однимъ выстрѣломъ изъ десяти, предстояла для всѣхъ гладкостѣнныхъ пушекъ и въ томъ числѣ для бомбовыхъ, лишь съ разстоянія 800 сажень, а для мортирь вѣроятность эта была еще менѣе.

Вообще, по чертежамъ огневыхъ линій, съ береговыхъ батарей Севастополя могло быть сосредоточено, на движущійся по фарватеру корабль, во все время его движенія, на трехъ-верстномъ разстояніи, отъ 80 до 230 или, среднимъ числомъ, около 150 орудій. Но, принимая дальность выстрѣловъ, дѣйствительно возможную на самомъ дѣлѣ, и только тѣ орудія, которыя могли стрѣлять по движущейся цѣли, число ихъ уменьшалось отъ 40 до 180 или, въ среднемъ выводѣ, до 110 орудій. Однако и это число орудій могло дѣйствовать только въ такомъ случаѣ, еслибы Севастополь былъ атакованъ только однимъ кораблемъ, чего, конечно, никогда не могло бы случиться. Если же атака была ведена такимъ образомъ, какъ показавъ вице-адмиралъ Корниловъ своимъ примѣрнымъ маневромъ, т. е. нѣсколькими парами кораблей, въ 200 саженьхъ разстоянія одна отъ другой, то противу каждаго корабля могло бы дѣйствовать лишь отъ 8

до 44 или, среднимъ числомъ, около 26 орудій. При атакѣ же вѣшнихъ батарей большимъ числомъ судовъ, какъ это случилось 5-го октября 1854 года, на каждый изъ кораблей могло быть направлено только отъ трехъ до пяти орудій, противъ 40—60 орудій корабельнаго вооруженія на одинъ бортъ.

Въ апрѣлѣ 1854 года показался впервые предъ Севастополемъ непріятельскій флотъ, за два дня предъ тѣмъ бомбардировавшій Одессу. Вдали, верстахъ въ 40, едва виднѣлись на горизонтѣ паруса множества судовъ и дымъ пароходовъ; но они скоро снова скрылись въ море. Въ началѣ іюля, три большіе парохода прошли верстахъ въ 20 въ виду Севастополя. На встрѣчу къ нимъ были посланы семь нашихъ маленькихъ пароходовъ, но только одинъ пароходъ «Владиміръ» могъ приблизиться къ нимъ на столько, чтобы обмѣняться нѣсколькими выстрѣлами. Іюня 14-го три парохода, преслѣдуя купеческое судно, подошли довольно близко къ Волоховой башнѣ. Она открыла огонь изъ своихъ 36-ти-фунтовыхъ пушекъ, но ни одинъ изъ числа 10—20 выстрѣленныхъ снарядовъ не долетѣлъ до пароходовъ. Когда же непріятельскій пароходъ отвѣтилъ ей своимъ выстрѣломъ, то брошенный съ него снарядъ не только перелетѣлъ за башню, но и чрезъ всю мѣстность Константиновскаго мыса и упалъ въ срединѣ Севастопольской бухты.

Такая изумительная дальность поразила насъ. Она показала, съ какими орудіями мы будемъ имѣть дѣло. Не смотря на общую энергію, въ высшей степени возбужденную недавнимъ боемъ Щеголевской батареи въ Одессѣ, и подстрекаемую безнаказанными появленіями непріятельскихъ судовъ въ виду Севастополя, артиллеристы не могли не призадуматься. Громадная несоотвѣтственность нашего вооруженія въ сравненіи съ непріятельскимъ могла повліять на духъ орудійной прислуги, породить неувѣренность не только въ успѣшности, но даже въ возможности состязанія съ непріятелемъ, вооруженнымъ несравненно сильнѣе. Для отвращенія этого обѣ бомбовыя пушки, единственные сильныя орудія на батарее № 10, переложили съ обыкновенныхъ, удобныхъ для дѣйствія, лафетовъ, на проектированныя наскоро неуклюжіе ящики, названныя *элевационными* станками, и установили въ нихъ подъ угломъ въ 45°. Дальность получилась удивительная, кажется верстъ пять, если не болѣе; но возможность попасть въ цѣль и, слѣдовательно, употребить съ пользою въ дѣйствительномъ бою эти орудія, сдѣлалась столько же удивительною, если не вовсе невысказанною. Кромѣ того, у трехъ одно-пудовыхъ однороговъ, на самой окраинѣ лѣваго закругленія батареи № 10, пер-

выхъ встрѣчающихъ непріятеля, по приближеніи его къ входу въ бухту, сѣзали верхнюю половину горизонтальнаго бруса, съ подъемнымъ винтомъ, чтобы получить возможность придавать имъ наибольшее возвышеніе. На случай дѣйствія въ близкомъ бою, винтъ зажимали отрубкомъ бруска и простымъ деревяннымъ клиномъ, подававшимся назадъ, и даже выскакивавшимся при выстрѣлахъ. Бомбы же, для приданія имъ большей тяжести и возможности летѣть какъ можно далѣе, наполнили пескомъ и, заткнувъ плотно деревяннымъ нагелемъ, превратили въ ядра. Такими приспособленіями, напомилавшими Тришкинъ кафтанъ, достигнута возможность дальней стрѣлбы, пугавшей подходившія издали отдѣльныя непріятельскія суда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и невозможность правильного боя съ непріателемъ на близкую дистанцію.

Нужно же было случиться, что только эти двѣ бомбовыя пушки, превращенныя въ первобытные баллисты, одни изъ числа 28, бывшихъ въ Севастополѣ, могли бы принести пользу своимъ участіемъ въ береговой оборонѣ Севастополя, если бы не были лишены возможности такого участія самими же оборонявшимися. Нужно же было случиться, что именно эти три искалѣченные пудовые единорога, съ однимъ полупудовымъ, возможность участія котораго въ бою, для защиты со стороны моря, даже и не подозрѣвалась, должны были, преимущественно предъ всѣми орудіями южныхъ батарей, выдержать самый ближайшій и наиболѣе ожесточенный бой съ трехдечнымъ непріятельскимъ кораблемъ «Charlemagne», не имѣя притомъ возможности ни увеличить, ни уменьшить, для большей вѣрности стрѣлбы, однажды приданное орудіямъ возвышеніе.

Существовало общее мнѣніе, предвзятая идея, что высадка большихъ массъ войска, со времени гибели испанской армады, сдѣлалась совершенно невозможною; поэтому всѣ ожидали только мелкихъ высадокъ, попытокъ съ сухаго пути на не защищенные коммерческіе порты и слабо укрѣпленные пунты, какъ это и оправдалось потѣмъ дѣйствіями англо-французовъ въ моряхъ Балтійскомъ и Бѣломъ. Въ виду этого предвзятаго мнѣнія, объ оборонѣ Севастополя съ сухаго пути почти не думали. Готовились къ энергической оборонѣ внутренности портовъ, къ защитѣ рейдовъ отъ форсирования, повторявшагося постоянно, со времени Чесменскаго до Синопскаго боя влѣчательно, и сдѣлавшагося не только обычаемъ, но какъ бы закономъ для моряковъ. Моряки и артиллеристы въ Севастополѣ одинаково желали такого боя и ждали его съ нетерпѣніемъ, вполне увѣренные въ собственной энергіи и въ силѣ своихъ батарей и флота.

Но вотъ, 2-го сентября, громадный непріятельскій флотъ, конвекрующій множество купеческихъ судовъ, высадилъ 60,000 десанта на берега Крыма. Черезъ недѣлю мы услышали впервые звуки выстрѣловъ Альминскаго боя. Волѣнно отдавались они въ сердцахъ севастопольцевъ, томимыхъ неизвѣстностью происходящаго. Скоро, однако, неудачный исходъ этого боя, обусловленный превосходнымъ вооруженіемъ непріятельской пѣхоты, сдѣлался извѣстенъ. Онъ поразили и огорчилъ всѣхъ севастопольцевъ, но не ослабилъ ихъ мужества и энергии. Готовность отстаивать родной Севастополь до послѣдней крайности была всеобщей и удесятряла ихъ энергию. Завибли усиленные работы. Начали насыпать бруствера батарей вокругъ Севастополя съ сухаго пути и вооружать ихъ, вмѣсто маленькихъ народныхъ и фальконетовъ, назначавшихся для отраженія мелкихъ высадокъ, орудіями самаго большаго калибра. Въ работахъ охотно участвовали не только жители, но даже женщины и дѣти.

Но одной энергіи было недостаточно. При несовершенствѣ ручнаго оружія нашей пѣхоты, при несоразмѣрномъ превосходствѣ численности непріятельскихъ войскъ предъ нашими, о дѣйствіяхъ открытою силою невозможно было и думать. Предстояло только обороняться до времени прибытія новыхъ подкрѣпленій, но обороняться упорно и продолжительно, такъ какъ подкрѣпленія могли прибыть не ранѣе мѣсяца. Непріятельская армія приближалась съ сѣвера, отрѣзывая сообщенія Севастополя съ Россіей и даже съ другими мѣстностями Крыма. Двигаясь по морскому берегу, обстрѣливаемому многочисленною артилеріею флота, она могла удобно приблизиться къ сѣвернымъ батареямъ, защищеннымъ съ сухаго пути самымъ ничтожнымъ числомъ орудій, и занявъ ихъ, или принудивъ взорвать (какъ это и было уже рѣшено въ Севастополѣ), атаковать флотъ, внутри бухты, своими многочисленными кораблями и, уничтоживъ его, овладѣть Севастополемъ.

Подобный исходъ борьбы былъ не только возможенъ, но и неизбеженъ. Противъ него требовалось энергическое противодѣйствіе. Такимъ противодѣйствіемъ могло быть лишь загражденіе входа въ бухту затопленіемъ кораблей, исполненнымъ по приказанію главнокомандующаго князя Меншикова. Эта мѣра, заставившая непріятеля перейти на южную сторону, дала Севастополю возможность существовать еще 11 мѣсяцевъ и получить для сухопутныхъ батарей артилерійскую прислугу изъ матросовъ, безъ чего оборона Севастополя была бы невозможною, потому что собственно артиллеристовъ въ немъ было не болѣе, какъ по одному на два орудія.

Какъ бы то ни было, но въ то время затопленіе судовъ отозвалось въ сердцахъ севастопольцевъ такъ же болѣзненно, какъ и адмиринская неудача. Предназначенные къ затопленію корабли на другой день Альминскаго боя, 9-го сентября, стали на якорь въ прямую линію, поперекъ входа въ бухту, между Александровскою и Константиновскою батареями. Въ восемь часовъ вечера на нихъ съиграли по морскому уставу зорю и опустили флаги. Ничто не предвѣщало, что они обречены на жертву. Только тогда уже совершенно стемнѣло, экипажи кораблей съѣхали на берегъ. Большинство матросовъ и многіе изъ офицеровъ плакали. Имъ было жаль, что корабли, на которыхъ они провели лучшее время своей жизни, всю свою службу, гибли, не помѣрившись силами съ врагомъ отчаяны въ честномъ бою, отъ собственныхъ рукъ своихъ же экипажей, какъ жертвы одной лишь предосторожности. Не менѣе сожалѣлъ о нихъ и вице-адмиралъ Корниловъ. Здѣсь рушились всѣ лучшія его мечты, убивались его надежды—доказать цѣлому міру храбрость и искусство русскихъ моряковъ въ близкой отчаянной схваткѣ съ врагами.

Въ полночь на 11-е сентября, глухой трескъ и хлопотанье воды возвѣстили гибель обреченныхъ на жертву кораблей. Они потонули. Не потонулъ только корабль «Три Святителя», упорно отстаивавшій свое мѣсто и свое существованіе, согласно съ желаніями Корнилова, надѣявшагося, выигравъ время, убѣдить въ необходимости оставленія свободнаго выхода изъ бухты. Но воля главнокомандующаго была неизмѣнною. Около девяти часовъ утра, пароходъ «Громомосецъ» подошелъ къ кораблю «Три Святителя», на разстояніе ближе 100 сажень, и сдѣлалъ отъ 20 до 30 выстрѣловъ изъ бомбовой пушки. Тогда только корабль началъ медленно тонуть; но такъ медленно, въ такой борьбѣ съ враждебною стихіей, какъ борется герой, отстаивающій отъ неминуемой гибели уже не самого себя, а свою славу, свое прошлое величіе. Два часа онъ наполнялся водою, прорывавшеюся съ правой стороны корабля въ громадныя отверстія, пробитыя бомбами. По мѣрѣ наполненія подводной части корабля, его кренило все болѣе и болѣе направо. Отъ этого перемѣщенія центра тяжести наклонившіяся мачты, быть можетъ предварительно подпиленные, одна вслѣдъ за другою, обломившись у своихъ основаній и съ трескомъ рухнули въ воду. Не прикрѣпленные пушки лѣваго борта скатились направо, и корабль почти совершенно легъ на правую сторону. Но хлынувшая широкими струями съвозъ лѣвые порты вода опять повернула его и снова поставила въ горизонтальное положеніе, въ которомъ онъ и опустился на дно моря, ровно въ двѣнадцать часовъ дня. Шумъ воды,

трескъ ломающихся мачтъ и другихъ частей, вмѣстѣ съ грохотомъ скатывавшихся пушекъ, сопровождали эту борьбу съ моремъ корабля—владыки моря. Не одну слезу сожалѣнія и не у однихъ только моряковъ извлекала эта печальная сцена.

По переходѣ непріятельской арміи на южную сторону, 13-го сентября, Севастополь былъ объявленъ въ осадномъ положеніи. 15-го сентября духовенство, съ хоругвями и иконами, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ жителей Севастополя, обошло всѣ укрѣпленія и окропило ихъ и войска, готовившіяся къ ихъ защитѣ, святою водою. Религіозный обрядъ этотъ, многозначительный для русскаго солдата, подтверждалъ его готовность погибнуть, защищая родную землю, или отстоять свой родной городъ и славу своей отчизны цѣломъ и кровью.

Такъ наступило 5-е октября, первый день кроваваго боя за Севастополь.

Цѣль нашего безыскусственнаго разсказа ознакомленіе съ боевыми впечатлѣніями и дѣйствіями, какъ они есть, безъ всякихъ прикрасъ, для уясненія, — если можно такъ выразиться, — того, какъ *дѣлается* или происходитъ война *на самомъ дѣлѣ*, а не въ сухомъ историческомъ описаніи, или фантастическомъ изложеніи романистовъ. Разсказъ этотъ сохраненъ въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ-подъ пера почти за 20 лѣтъ предъ этимъ, въ дневникѣ, современномъ событіямъ.

I.

ДЕНЬ.

Вчера, 5-го октября, былъ первый день бомбардированія Севастополя, первый актъ кровавой драмы. Вношу въ свой дневникъ все, что я видѣлъ и чувствовалъ, на память для себя въ будущемъ, потому что такіе дни и такіа чувства едва ли повторяются въ жизни.

Съ разсвѣтомъ дня не было замѣтно никакихъ приготовленій, никакого движенія непріятельскихъ судовъ въ морѣ. Наступалъ тихій и ясный осенній день. Ничто не предвѣщало, что это день страшной, отчаянной борьбы. Потому, не предвидя для себя никакого особеннаго дѣла и пользуясь прекрасною погодою, я испросилъ дозволеніе сходить въ городъ, провѣдать свою мать и сестру съ ея дѣтьми.

Любуясь картиною моря, такъ восхитительно въ Севастополѣ, и вдыхая въ себя свѣжій утренній воздухъ, я беззаботно приближался къ 6-му бастиону, у оборонительной стѣнки, соединяющей его съ батареями №№ 7 и 8. Вдругъ со всѣхъ бастионовъ Севастополя загрохотали пушки.

Это было не ново. Много разъ уже, по особымъ сигналамъ, открывалась болѣе или менѣе продолжительная усиленная стрѣльба со всѣхъ сухопутныхъ батарей по неприятельскимъ работамъ, чтобы сбить ихъ. Я не обратилъ бы на это особаго вниманія, но между громомъ нашихъ орудій явственно выдѣлялся знакомый уже мнѣ по перестрѣлкамъ съ моря звукъ, составляющій нѣчто среднее между свистомъ, визгомъ и стономъ. Это звукъ неприятельскихъ пушекъ. Быть можетъ, свистъ вылетающаго ядра, съ отголоскомъ мѣднаго жерла пушки, былъ причиною такого своеобразнаго звука, но мнѣ всегда чудился въ немъ стонъ ужаса, вопль отчаянія, какъ бы плачь бездушнаго орудія, направленнаго въ человѣка.

Откуда же этотъ звукъ? На вѣморѣ нѣтъ ни одного судна, къ сторонѣ же поля, закрытой оборонительною стѣнкой, я не могъ ничего видѣть. Но вотъ вверху, надъ моей головой, появилось облачко дыма и осколки разорванной бомбы, взрывъ которой незамѣтно слился съ общимъ громомъ стрѣльбы, прожужжали вокругъ меня. Не оставалось никакого сомнѣнія: неприятель бомбардировалъ городъ съ введенныхъ вокругъ него осадныхъ батарей.

Я былъ въ ста шагахъ отъ своего дома, находившагося на внутреннемъ склонѣ горы, въ 150—200 саж. позади 6-го бастиона. Хотя неприятельскія бомбы и ядра, направленные въ этотъ бастионъ, перелетая черезъ него, проносились надъ крышей дома и падали поодаль, но опасность для живущихъ въ домѣ была слишкомъ очевидною.

Я колебался. Долгъ солдата требовалъ воротиться назадъ на батарею, чтобы участвовать въ начатомъ уже бою. Долгъ человѣка звалъ меня впередъ, если не охранить, то, по крайней мѣрѣ, хотя увидѣть, быть можетъ въ послѣдній разъ, свою семью.

Чувство человѣка превозмогло во мнѣ долгъ солдата. Бѣгомъ я спустился подъ гору и вошелъ въ домъ. Мать и сестра, встревоженные и перепуганные, встрѣтили меня со слезами.

— Матушка! сестрица! спасайтесь, бѣгите на Сѣверную сторону; неприятель бросаетъ бомбы въ городъ. Онѣ перелетаютъ черезъ нашъ домъ.

— А ты? Ты тоже съ нами? спросила мать.

— Нѣтъ. Вы знаете, мое мѣсто на батареѣ при пушкахъ.

— А наше мѣсто здѣсь, въ городѣ, гдѣ ты и ея мужъ. Лучше погибнуть всѣмъ вмѣстѣ, нежели знать, что вы въ опасности, и бѣжать Богъ знаетъ куда!

— Но дѣти! Неужели и они должны оставаться подъ бомбами?

— Если Богъ милостивъ, то Онъ сохранитъ и ихъ, и всѣхъ насъ; если же нѣтъ, то легче умереть всѣмъ вмѣстѣ.

— Ради Бога рѣшайтесь скорѣе! Я не могу медлить ни минуты, я давно уже долженъ быть на своемъ мѣстѣ, на батарее!

— Знаю и не могу, не должна удерживать тебя. Иди съ Богомъ! Прощай! Да будетъ надъ тобой благословеніе Божіе!

Риданія заглушили ея голосъ. Оставивъ ее попеченіямъ сестры, я послѣдовалъ на батарею, глубоко растроганный грустною семейною сценою. Беспредѣльная любовь, глубокое самоотверженіе и полная покорность Промыслу, такъ свойственныя русскому духу вообще и русской женщинѣ въ особенности, были для меня понятны; но это не уменьшало моихъ опасеній, не ослабляло сожалѣнія объ участи дорогихъ для меня существъ, самоотверженно подвергающихъ себя очевидной опасности.

У воротъ 6-го бастіона я встрѣтилъ носилки, на которыя укладывали убитаго осколкомъ бомбы писаря, находившагося при орудіяхъ бастіона охотникомъ. Тусклый взглядъ и судорожное подергиваніе рта были послѣдними признаками угасавшей въ немъ жизни. Далѣе, на своемъ пути, я увидѣлъ залитый кровью, лежащій ничкомъ, трупъ солдата, съ грудью, пробитою на вылетъ осколкомъ бомбы. Вокругъ меня безпрестанно проносились непріятельскіе снаряды, рикошетируя высокими прыжками вдоль оборонительной стѣнки и задѣвая, по временамъ, углы ближайшихъ домовъ, или самую стѣнку. Канонада не умолкала.

Черезъ десять минутъ я былъ уже на своей батарее. Все здѣсь оставалось, повидимому, спокойнымъ. Только суровыя, блѣдныя лица солдатъ, съ выраженіемъ какой-то горечи и внутренней боли, напоминали о критической минутѣ. Ваоры всѣхъ были обращены къ городу. Всѣ легли душой туда, гдѣ горѣлъ бой, гдѣ гибли товарищи, отцы, матери, дѣти.

Командиръ лѣваго фланга нашей батареи, лейтенантъ Пана-Егоровъ, сумрачно ходилъ по валгангу. Онъ молчалъ и казался спокойнымъ, но, по временамъ, невольное, конвульсивное движеніе лица обличало его внутреннее волненіе. Семейство его было также въ городѣ, на который сыпались бомбы; его братья-моряки вели уже оживленную перестрѣлку съ непріятелемъ, а мы оставались въ мучительномъ бездѣйствіи, въ невозможности участвовать въ бою съ непріятелемъ. Подобное бездѣйствіе въ бою такъ томительно и тягостно, что нужны большія усилія, чтобы подавить въ себѣ горькія чувства.

Опершись на пушку, я тоже смотрѣлъ на городъ. Слухъ мой былъ пораженъ страннымъ диссонансомъ звуковъ. Безпрерывные выстрѣлы городскихъ пушекъ, сопровождаемые продолжительнымъ отголоскомъ грохота, и отрывистый свистъ неприятельскихъ орудій уносили меня за предѣлы существенности. Въ воображеніи моемъ живо представлялись знакомые ряды громадныхъ черныхъ пушекъ, на массивныхъ темновеленыхъ лафетахъ, то откатывающихся послѣ выстрѣловъ, то накатываемыхъ вновь къ брустверу. Пушки эти казались одушевленными, живыми, произвольно двигающимися существами. Съ ожесточеннымъ ревомъ онѣ, сами собою, отскакивали отъ бруствера и потомъ, съ глухимъ продолжительнымъ рычаніемъ, снова медленно надвигались впередъ; съ новымъ ревомъ опять изрыгали изъ себя огненные шары и снова, покачиваясь, какъ бы припрыгивая, быстро отскакивали назадъ, съ тѣмъ же сердитымъ рычаніемъ. Это были какія-то фантастическія, чудовищныя, живыя существа, которыя, ворча и огрызаясь, защищались съ ожесточеніемъ. Съ другой стороны, другіе ряды чудищъ,—ряды желтыхъ, мѣдныхъ пушекъ, на красныхъ лафетахъ, съ страшнымъ завываніемъ, также припрыгивая, то надвигались впередъ, то снова отскакивали, дыша огнемъ и дымомъ. Онѣ нападали съ остервененіемъ, визжа и воя, какъ стая голодныхъ волковъ, со всѣхъ сторонъ окружившая путника.

Но вотъ, около девяти часовъ утра, четырехпушечная неприятельская батарея, на Херсонесскомъ мысу, снявъ туры, маскировавшіе ея амбразуры, открыла огонь по бастиону № 6. Орудійная прислуга нашей батареи, № 10, съ воплемъ радости и съ лихорадочною живостію, бросилась къ орудіямъ сухопутнаго фаса, обращеннаго къ сторонѣ карантинна и развалинъ Херсонеса. На каждый выстрѣлъ неприятеля мы отвѣчали двумя или тремя выстрѣлами. Всѣ, кто не могъ принять прямого участія въ стрѣльбѣ, слѣдили за дѣйствіемъ выстрѣловъ. Каждый попавшій снарядъ производилъ общій восторгъ, былъ привѣтствуемъ одобрительными восклицаніями, какъ будто этими выстрѣлами рѣшалась судьба общаго боя, вопросъ: быть или не быть Севастополю.

Однако, при всемъ увлеченіи, не смотря на разстояніе свыше 600 саж., на которомъ, изъ полупудоваго единорога, даже на спокойномъ практическомъ ученѣ, попадаетъ только около 10%, не смотря на весьма косвенное расположеніе неприятельской батареи, прикрываемой притомъ, съ фланга, какъ бы башнею, громадною круглою печью для выжиганія извести, три орудія этой батареи, не болѣе какъ чрезъ часъ, были уже сбиты. Но одно орудіе, ближайшее къ

печи и потому наилучше прикрытое со стороны батарей № 10, оставалось еще болѣе часу, хотя стрѣляло только изрѣдка, какъ бы украдкой, когда огонь нашей батареи смолкалъ, чтобы дать разойтись дыму и посмотреть гдѣ и что дѣлаютъ корабли, двигавшіеся вдаль и медленно подходившіе къ батареямъ.

Артиллеристы нашей батареи въ шутку прозвали это орудіе *запечнымъ сверчкомъ*, и когда раздавался снова свистъ вылетающаго изъ него снаряда, говорили: «сверчокъ-то нашъ еще посвистываетъ» и опять наводили туда три или четыре орудія и забрасывали его снарядами. Но какъ только уможкала пальба, «сверчокъ» вновь отъезжался изъ за своей печи и снова вызывалъ противъ себя учащенные выстрѣлы (*).

Въ двѣнадцать часовъ прекратился огонь непріятельскихъ батарей съ сухаго пути. Но со стороны моря приближались корабли въ очень большомъ числѣ. Сколько именно, мы не считали, потому что было некогда, да и не къ чему. О соразмѣрности силъ невозможно было и думать. Слѣдовало сражаться съ врагами, сколько бы ихъ ни было.

Однако число кораблей и сильное вооруженіе ихъ (такъ какъ на нихъ преобладали бомбовыя 60-ти и 84-хъ фунтовыя, а у насъ 24-хъ фунтовыя и одно пудовое орудія) невольно заставляли насъ призадуматься. Было ясно до очевидности, что ожидаемая борьба могла

(*). На третій день, 7-го октября, по возобновленіи бомбардированія, которой 6-го октября не было, херсонесская батарея взорвана попавшими въ нее, одна вслѣдъ за другою, двумя пяти пудовыми бомбами. Бомбы эти были брошены почти одновременно съ батареи № 10 и бастіона № 6, а потому взрывъ ея приписывали себѣ оба эти укрѣпленія, и георгиевскіе кресты за него были высланы и въ то и въ другое. Объ этомъ взрывѣ не упоминается, однако, въ «Описаніи обороны Севастополя» Тотлебена, а сказано только, на стр. 340, что батарея эта не открывала огня и, повидимому, была оставлена, по невыгодности своего положенія. При второмъ бомбардированіи батарея эта была возобновлена и дѣйствовала потомъ, до конца осады, преимущественно по батареѣ № 10-го. На ней находились морскія орудія и прислужкою были моряки. Одного изъ нихъ я встрѣтилъ, по окончаніи войны, посѣтивъ городокъ у Камышевой бухты, устроенный французами изъ деревянныхъ баракозъ и названный ими *Саміеш*. Въ немъ находилось множество *cafés-chantants* и магазиновъ съ разнаго рода товарами, католическая церковь и театръ. Здѣсь морякъ-французъ остановилъ меня, любопытствуя узнать какой у меня крестъ и гдѣ я заслужилъ его. Когда я сказалъ, что заслужилъ крестъ на батареѣ № 10, или карантинномъ фортѣ, какъ называли ее французы, на которой находился 11 мѣсяцевъ, то морякъ, заявивъ, что и онъ также 11 мѣсяцевъ находился на батарее противъ этого форта, съ увлеченіемъ, свойственнымъ французу, не находилъ словъ выразить мнѣ свое сочувствіе. Трудно представить себѣ пріемъ болѣе задушевный. Онъ былъ такъ обрадованъ, какъ будто встрѣтилъ стараго друга, съ которымъ провелъ лучшіе дни своей жизни, дѣлилъ опасность и славу.

окончиться совершеннымъ уничтоженіемъ батарей, конечно, не безъ большаго урона со стороны непріятели. Это не только понималъ, но и вполне сознавалъ каждый изъ насъ, хотя въ каждомъ было столько энергии и готовности къ самопожертвованію, что угрожающая гибель лишь увеличивала желаніе сразиться.

Впрочемъ, характеры людей такъ разнообразны, что есть между ними исключенія, къ счастью очень рѣдкія, есть отдѣльныя личности, не на столько твердыя, чтобы, похоронивъ въ себѣ всякое чувство, спойнойно смотрѣть въ глаза опасности, какъ бы велика она ни была. Въ особенности это случается въ первомъ бою, когда собственная неопытность и сила воображенія представляютъ опасность въ удесятѣренномъ значеніи. Я пишу это потому, что вчера, распорядясь открытіемъ стрѣльбы по приближающимся кораблямъ, вдругъ услышалъ позади себя дрожащій голосъ, повторявшій слова:

— Вотъ когда мы пропали!

Оглянувшись, я увидѣлъ канонира 2-й роты Месенева, назначеннаго приходорасходчикомъ въ нашъ пороховой погребокъ, устроенный подъ валгангомъ. Старый солдатъ, вполне честный, пользующійся общимъ довѣріемъ начальства и товарищей, которыми избранъ въ своей ротѣ «образникомъ», онъ, къ сожалѣнію, не обладалъ твердостью духа и былъ такъ пораженъ предстоящею опасностію, что повторилъ почти безсознательно: вотъ когда мы пропали!

Зная изъ читаннаго и слышаннаго мною прежде, какъ подобное выраженіе внутренняго тревожнаго состоянія вліяетъ иногда на массы храбрыхъ и твердыхъ людей, я поспѣшилъ обратить слова его въ шутку.

— Не бойсь, старикъ, сказалъ я ему, не пропадешь! Въ твоемъ погребокѣ не найдеть тебя никакая бомба. Стулай-ка лучше на свое мѣсто, да выдавай намъ заряды попроворнѣй.

Сконфуженный старикъ поспѣшилъ удалиться, потому что выхода моя вызвала улыбку у всѣхъ окружавшихъ насъ.

Между тѣмъ, корабли, двигавшіеся до сего времени двумя правильными колоннами, сближаясь постепенно съ батареями, начали подходить въ разсыпную, въ разныхъ направленіяхъ, чтобы раздѣлить огонь батарей. Впереди шли паровые корабли, а за ними, на значительномъ разстояніи и гораздо медленнѣе, двигались парусные корабли, буксируемые пароходами, бокъ-о-бокъ, связанными съ ними такъ, что носовая часть парохода, вооруженная бомбовыми пушками большаго калибра, выдавалась изъ-за носовой части корабля.

Первымъ подошелъ къ намъ паровой трехдечный корабль (послѣ

мы узнали, что это былъ «Шарлемань»). Онъ приближался къ лѣвому флангу нашей батареи, придерживаясь такъ близко къ берегу, какъ только позволяла глубина моря. Въ этомъ направленіи противъ него могли дѣйствовать только три орудія съ закругленія лѣваго исходящаго угла батареи № 10. Вѣроятно, отраженіе лучей свѣта у берега было причиною, что корабль этотъ казался намъ несравненно ближе, нежели онъ находился въ самомъ дѣлѣ. Корабли, обыкновенно проходившіе по фарватеру не далѣе какъ въ 500 саженьяхъ отъ батареи, никогда не были видимы нами такъ ясно, съ такою отчетливостію подробностей, какъ этотъ корабль; но даже выстрѣлы изъ орудій съ отрѣзанными до половины средними брусьями, для того, чтобы придавать имъ наибольшіе углы возвышенія, едва достигали до него.

Кромѣ этого корабля, еще четыре паровыхъ, также 100 пушечныхъ, приближались постепенно съ лѣваго фланга, какъ бы эшелонами, на значительныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, для того, чтобы раздѣлить огонь нашихъ орудій. Противъ cadaго изъ нихъ могло быть направлено со всѣхъ передовыхъ батарей, среднимъ числомъ, не болѣе 10 орудій (*). Но и тѣ немногіе выстрѣлы изъ орудій, которые успѣвали сдѣлать батареи, разсѣивались на большомъ пространствѣ. При скоромъ ходѣ кораблей, для cadaго послѣдующаго выстрѣла приходилось придавать новый уголъ возвышенія и измѣнять не только высоту прицѣла, но и направленіе въ сторону, по горизонту. Даже сблизившись съ батареями на желаемую дистанцію 450—600 саж., корабли уменьшили только пары, но продолжали еще передвигаться то впередъ, то назадъ, то въ сторону, для выбора себѣ удобнѣйшей позиціи въ отношеніи къ батареямъ и занятія общей боевой линіи для всѣхъ кораблей.

Корабль «Шарлемань», подойдя на разстояніе 700 саж., на которомъ дѣйствіе нашихъ орудій начало наносить ему ощутительный вредъ, чтобы не подвергаться продольнымъ выстрѣламъ, поворотился кормою къ берегу, и подходилъ все ближе и ближе къ батарее, подвигаясь косвенно къ ней, то заднимъ ходомъ, подавая впередъ корму, то принимая обыкновенный ходъ, чтобы податься къ батарее носовою частью. Однимъ изъ нашихъ выстрѣловъ сбило трехцвѣтный національный флагъ, развѣвавшійся надъ его кормою. Принимая случай этотъ за предзнаменованіе побѣды, солдаты нашей батареи прокри-

(*) Приморскія батареи Севастополя предназначались исключительно для защиты главной бухты; только немногія орудія трехъ передовыхъ батарей дѣйствовали по взморью.

чали *ура*, но корабль тотчасъ же поднялъ другой флагъ на *гафелъ* (*), такъ какъ *штокъ*, на которомъ онъ обыкновенно подымается, былъ сбитъ нашимъ выстрѣломъ.

Предвидя бой на близкой дистанціи, нужно было установить подъ орудія бруски и клинья, замѣнявшіе отрѣзанный винтъ, служащій для подниманія и опусканія орудія, при его прицѣливаніи. Работа эта отняла у насъ именно столько времени, сколько необходимо было кораблю для приближенія на разстояніе 450—500 сажень отъ батареи, въ такомъ направленіи, что противъ него могли стрѣлять у насъ только три однопудовые единорога и одинъ полупудовой, предназначенный для обстрѣливанія входа въ Карантинную бухту. Корабль находился такъ близко, что не только цвѣта флага—красный, бѣлый и синий, были совершенно ясно видимы, но на палубѣ можно было различать даже людей и пушки.

Мы не считали портовъ противопоставленнаго намъ корабля, но видѣли, что будемъ имѣть дѣло съ трехдечнымъ, т. е., приблизительно, стопушечнымъ кораблемъ, или пятидесятью орудіями одного борта, противъ которыхъ у насъ было только четыре. Скоро къ нему присоединился еще другой, парусный корабль, прибуксированный пароходомъ. Силы непріятеля удвоились. Четыремъ орудіямъ слѣдовало защищаться противъ 80—90 орудій. Бой предстоялъ рѣшительный, отчаянный.

Вопросъ шелъ не только о жизни и смерти, но о чести оружія, достоинства войска, славѣ отечества. Неудивительно, что сердца у всѣхъ забились сильнѣе, кровь взволновалась, одушевленіе достигло высочайшей степени. Человѣкъ пересталъ быть человѣкомъ. Онъ весь превратился въ увлеченіе.

Увлеченіе это было такъ велико, что орудійная прислуга для ускоренія стрѣльбы рѣшилась вовсе не прикрываться брустверомъ. Смутно сознавалось, что при такой громадной силѣ брустверъ былъ ничтожною защитою. Заряжать, прикрываясь имъ, было бы и бесполезно, и неудобно и медленно; тогда какъ настояла надобность стрѣлять какъ можно скорѣе, чтобы быстротою стрѣльбы вознаградить слишкомъ малое число орудій. Сознавалось, что если надлежало погибнуть неминуемо, то слѣдовало погибнуть достойно и мужественно, не рассчитывая ни на прикрытія, ни на соразмѣрность силъ, а нанося врагу возможно большее пораженіе въ высшей степени ускорен-

(*) *Гафель* — длинная поперечина, позади задней мачты, надъ кормою корабля; *штокъ*—не высокое древко для флага, надъ корабельною кормою.

ною стрѣльбою изъ тѣхъ немногихъ орудій, которыми приходилось отбиваться отъ непріятеля.

Такое сознаніе возникло само собою мгновенно, и также мгновенно выполнено самими солдатами, безъ всякаго приказанія или наставленія. Приказать орудійной прислугѣ дѣйствовать, не прикрываясь брустверомъ; было не только невозможно, но и неблагоприятно. Точно также было невозможно и еще болѣе неблагоприятно воспретить такой способъ дѣйствія, какъ единственный, дающій возможность состязаться съ несоразмѣрно сильнѣйшимъ непріателемъ.

По свойственной русскому человѣку находчивости, артиллерійскіе солдаты нашей батареи мгновенно придумали ускоренный способъ стрѣльбы, избѣгнувъ накатыванія орудій. Обыкновенно, послѣ выстрѣла, на боковые брусья платформы накладывались рычаги, для удержанія откатившагося орудія, на такомъ разстояніи, которое необходимо для заряжанія его, прикрываясь брустверомъ. Но, чтобы накатить заряженное такимъ образомъ орудіе, и потомъ навести его, требовалось много труда и особенно времени. Не подкладывая же рычаговъ, солдаты достигли того, что откатившееся орудіе, само собою, по собственной тяжести, накатывалось на мѣсто къ брустверу, по наклоннымъ рельсамъ поворотной платформы, такъ скоро, что дѣйствующій банникомъ успѣвалъ лишь вскочить на брустверь, и въ ту же секунду начинать банить орудіе. За нимъ входилъ туда же подававшій зарядъ и снарядъ, по досылкѣ которыхъ, орудіе было уже совершенно готово къ выстрѣлу, потому что оно, находясь на мѣстѣ, наводилось во время самаго заряжанія. Черезъ это достигалась возможность дѣлать выстрѣлы весьма часто. Но двое изъ орудійной прислуги оставались при этомъ, почти во все время боя, стоя совершенно открыто на кронѣ бруствера, подъ безчисленными выстрѣлами непріятельскихъ кораблей, соскакивая съ нея лишь въ моментъ самаго выстрѣла изъ заряженнаго ими орудія. Кромѣ величайшей опасности, этотъ способъ стрѣльбы былъ слишкомъ утомителенъ для прислуги при орудіяхъ. Но не объ опасности, ни объ утомленіи, въ то время, никто не думалъ....

Чтобы увеличить число орудій, дѣйствующихъ по кораблямъ, нападающимъ со стороны моря, я попытался было направить на нихъ еще одно орудіе съ вогнутаго фаса батареи, обращеннаго къ городу. Но орудіе это понадобилось такъ круто повернуть къ сторонѣ моря, что, послѣ каждаго выстрѣла, одинъ изъ двухъ роульсовъ, поддерживающихъ поворотную платформу, соскакивалъ съ поворотной дуги, по которой онъ двигался. При этомъ, орудіе съ платформою получало та-

кой наклонъ, что съ послѣдующимъ выстрѣломъ могло бы опрокинуться и задавить орудейную прислугу. Только съ помощію усилій нѣсколькихъ человѣкъ, подвигая дрючкомъ платформу, можно было снова установить роульсъ на мѣстѣ, но при новомъ выстрѣлѣ онъ опять соскакивалъ и опять требовалъ тяжелой и копотливой работы для его установки. Предвидя, что подобная работа не можетъ производиться подъ выстрѣлами непріятеля, я доложилъ лейтенанту Папа-Егорову о невозможности дѣйствовать изъ этого орудія. Согласясь со мною, онъ далъ мнѣ порученіе остаться при немъ для передачи его распоряженій по батарее.

Сдѣлавшись свободнымъ, я обратилъ все свое вниманіе на непріятельскій флотъ, который окончательно занялъ свою позицію. Я насчиталъ 16 линейныхъ кораблей, съ 11 буксирными пароходами, огибавшихъ правильнымъ полукругомъ батарею № 10, съ ея лѣваго фланга и фронта. Хотя корабли были расположены въ двѣ линіи одна за другою, въ шахматномъ порядкѣ, но они находились такъ близко другъ къ другу, что съ батареи казались составляющими какъ бы одну сплошную линію.

Вскорѣ съ адмиральскаго корабля въ срединѣ линіи раздался первый выстрѣлъ. Вслѣдъ за нимъ открылась общая канонада со всѣхъ кораблей, сначала нѣсколько беспорядочно, что доказывало вѣвнованное состояніе французскихъ моряковъ. Пресловутая «*furia francese*» бросала ихъ изъ озноба въ жаръ и обратно. Но потомъ залпы каждаго дека начали слѣдовать одинъ за другимъ, въ правильномъ порядкѣ, чрезъ промежутки не болѣе секунды.

Густой дымъ, вырываясь изъ портовъ бѣлыми клубами, сталъ постепенно закрывать корабли снизу вверхъ, отъ корпусовъ къ мачтамъ. Картина была такъ величественна, что я не могъ не выразить своего удивленія.

— Взгляните, какъ это великолѣпно! — сказалъ я своему лейтенанту.

Въ самомъ дѣлѣ, при совершенно тихой и ясной погодѣ, чистомъ и свѣтломъ небѣ, при блескѣ полуденнаго солнца, на темносинемъ фонѣ моря, мгновенно закрубились и заколыхались густыя неправильныя облака бѣлаго дыма, красиво обрамлявшія суда непріятельскаго флота. Прикрывая, мало по малу, корабли прихотливыми фестонами, слегка прорѣзываемыми отблесками выстрѣловъ каждаго дека, сверкавшими подобно отдаленной молніи, облака дыма подымались все выше и выше, какъ бы затопляя собою корабли, со всѣмъ ихъ рангоутомъ. Чрезъ нѣсколько минутъ дымъ, стелясь по поверхности моря,

подобно густому туману, скоро достигъ батареи № 10 и скрылъ отъ насъ въ непроницаемомъ мракѣ не только корабли и окрестность, но даже самое солнце. Оно казалось раскаленнымъ шаромъ или кровавымъ кругомъ, медленно опускавшимся на горизонтъ. Свѣтъ его померкнулъ, хотя еще было только за полдень. Во ста и даже въ пятидесяти шагахъ, въ дыму, какъ въ самомъ густомъ туманѣ, не стало видно ровно ничего. Только блескъ отъ выстрѣловъ съ кораблей залпами мелькалъ вдали подобно зарницѣ или тускло блестящей молнии, какъ бы полосами, начинаясь у носовой части корабля и исчезая у кормы, или обратно. Этотъ блескъ указывалъ намъ мѣста, занимаемыя кораблями, въ которыя и направлялись наши выстрѣлы.

Воздухъ не совмѣщалъ въ себѣ звуковъ, которые только въ началѣ боя слышались раздѣльными залпами каждаго изъ дековъ, не менѣе какъ по одному въ секунду. Звуки эти не были громоподобны, хотя одновременно стрѣляли около 1,500 орудій. Они напоминали рѣзкій трескъ, повторявшійся чрезъ правильные промежутки времени. Скоро они, сливаясь вмѣстѣ, превратились въ одинъ глухой рокоть, какъ бы клокотанье, покрываемое свистомъ и визгомъ снарядовъ, въ несчетномъ множествѣ пронесившихся надъ нами и между насъ. Только выстрѣлы собственныхъ орудій, сопровождаемые продолжительнымъ грохотомъ, какъ бы ревомъ, рѣзко выдѣлялись въ этомъ морѣ звуковъ и царили надъ нимъ до новаго повторенія.

Неумолимый визгъ снарядовъ надъ головами нашими и вокругъ насъ не могъ не произвести поражающаго впечатлѣнія. Сравнивають положеніе новичка, впервые попадающаго подъ выстрѣлы, съ положеніемъ человѣка, внезапно окачиваемаго водою. Это сравненіе, какъ по силѣ, такъ и мгновенности впечатлѣнія, довольно вѣрно. Нѣкоторое время дѣйствія артиллеристовъ были безсознательны, машинальны. Скоро, однако, овладѣвъ собою, они дѣйствовали хотя съ неестественною энергіею и увлеченіемъ, но спокойно и даже весело. Я говорю о большинствѣ. Конечно, были исключенія и крайности, въ лучшую и худшую сторону, полное презрѣніе всякой опасности и невольный внутренній трепетъ, подавляемый сознаніемъ собственного долга и благороднымъ самопожертвованіемъ.

Многіе изъ числа заряжавшихъ орудія, сознавая, какъ важно правильно выбанить орудіе и хорошо дослать зарядъ и снарядъ, но не вполне довѣряя себѣ при возбужденномъ состояніи, считали шопотомъ выполняемые приемы, чтобы именно въ свое время повернуть банныкъ и нажать снарядъ. Нѣкоторые, когда свистъ и визгъ пронесившихся со всѣхъ сторонъ снарядовъ достигалъ высшей степени,

становился ужасающимъ, какъ бы невольно знаменовали себя крепостемъ и еще усиленнѣе, энергичнѣе исполняли свою работу.

Особенно жутко было тѣмъ, кто, не участвуя непосредственно въ самомъ бою, долженъ былъ оставаться подъ неумолимыми выстрѣлами въ совершенномъ бездѣйствіи. Въ такомъ положеніи находились солдаты резервнаго пѣхотнаго баталіона Литовскаго полка, составлявшіе прикрытіе батареи № 10, на случай покушеній съ сухаго пути. Помѣстить ихъ у самага бруствера, въ единственномъ нѣсколько защищенномъ отъ пораженія прямыми выстрѣлами пространствѣ, не было возможности, такъ какъ для этого не достало бы мѣста и они, стѣсня дѣйствія артиллеристовъ у орудій, все-таки подвергались бы напрасному избіенію боковыми или анфиладными выстрѣлами, направленными по всему протяженію батарейныхъ фасовъ съ кораблей, стоявшихъ на ихъ продолженіи. Не предвидя бомбардированія съ моря, а ожидая только прорыва кораблей въ бухту, не позаботились заблаговременно объ устройствѣ блиндированныхъ помѣщепій; каменные же казармы, обывновенной легкой постройки, какъ и вся внутренность батареи, совершенно открытая съ моря, пронизывались насквозь безчисленными снарядами, перекрещивавшимися во всѣхъ направленіяхъ надъ батареею. Къ счастью, и здѣсь выручила простая русская смѣтка: кому-то, еще до боя, пришла счастливая мысль помѣстить пѣхотное прикрытіе во рву, окружающемъ батарею съ сухаго пути. Кромѣ сохраненія жизни нѣсколькихъ сотенъ солдатъ, эта прѣстая мѣра имѣла еще то значеніе, что солдаты, не подвергаясь напрасно избіенію, не утрачивали той силы духа, которая имъ была необходима для дальнѣйшихъ дѣйствій. Пѣхотное прикрытіе въ городѣ было поставлено у самыхъ оборонительныхъ линій, хотя непріятель не могъ появиться предъ ними неожиданно, а долженъ былъ употребить на свое приближеніе время, котораго было достаточно для прибытія подкрѣпленій къ батареямъ по мѣрѣ дѣйствительной надобности. Подобное расположеніе влекло за собою только напрасную гибель людей, поражаемыхъ на весьма большомъ протяженіи анфиладнымъ огнемъ. Въ подобномъ же положеніи находилась артиллерійская прислуга праваго фаса лѣвой исходящей части батареи № 10. Орудія этого фаса, обращенныя къ городу, были предназначены для дѣйствія въ тылъ судамъ, приближающимся ко входу въ главную бухту. Противъ кораблей, атаковавшихъ батарею слѣва, они вовсе не могли быть направлены. Между тѣмъ, фась этотъ во всю его длину былъ анфилированъ съ одного непріятельскаго пароваго корабля, установившагося на его продолженіи, не имѣя притомъ возможности не только

отвѣчать ему или защищаться, но и стрѣлять хотя бы въ другіе какіе либо корабли. Вскорѣ послѣ начала боя, на фасѣ этомъ раздался разрывъ непріятельской бомбы и слившійся съ нимъ вопль человѣка. Лейтенантъ послалъ меня свести прислугу съ того фаса, чтобы не подвергать ее напрасному избиенію, и приказалъ распределить ее въ помощь стрѣлявшей прислугѣ, а также для подноски бомбъ изъ общаго блиндированнаго сарая (находившагося далеко внутри батареи), которыя, вслѣдствіе быстроты стрѣльбы, въ расходныхъ погребкахъ, устроенныхъ подъ вагангомъ, были уже почти израсходованы.

При исполненіи этого приказанія, я увидѣлъ остатки отъ убитаго канонира Демьяна Прокопенко. Онъ былъ буквально разорванъ въ мелкие куски попавшею ему въ грудь бомбою. Отъ него остались только сапоги, съ частями ногъ, въ нихъ вдѣтыми; кровью же его и внутренностями обдало почти всю платформу орудія. Смерть мгновенная, но ужасная. Остатки его, по моему распоряженію, собраны въ вѣшокъ и потомъ отнесены для погребенія.

Бой былъ въ полномъ разгарѣ, но совершенно не соответствовалъ моимъ о немъ представленіямъ. Я былъ еще очень молодъ; желаніе отличиться, сдѣлать что нибудь необыкновенное было во мнѣ весьма сильно. Не разъ мечтались мнѣ корабли, подходящіе къ батарее съ тѣмъ, чтобы ворваться въ бухту Севастополя. Вотъ одинъ изъ нихъ, пробитый насквозь удачными выстрѣлами, уже тонетъ; другой, взорванный, взлетаетъ на воздухъ; третій, полуразбитый, обращается въ бѣгство; прочіе, не смѣя и думать о прорывѣ, спѣшатъ удалиться...

Не то было на самомъ дѣлѣ. Корабли подошли не по одиночкѣ, въ одномъ извѣстномъ заранѣ изученномъ направленіи, какъ ожидали мы, а цѣлою гурьбою съ разныхъ сторонъ. Соединясь въ громадной массѣ, они обратили свои 700—800 орудій на нашу батарею, отвѣчавшую имъ едва лишь 30—40 орудіями и притомъ меньшаго калибра, нежели корабельныя. На каждый изъ нашихъ выстрѣловъ, они отвѣчали 20 выстрѣлами, залпомъ цѣлаго дека. Самые выстрѣлы ихъ, сосредоточиваясь на нашей батарее, проносились далеко и поражали еще двѣ другія батареи: Александровскую и № 8. Наши же выстрѣлы разсѣивались на большомъ пространствѣ, потому что приходилось дѣйствовать не болѣе какъ двумя или тремя орудіями противъ каждаго изъ 16-ти кораблей. При такихъ условіяхъ невозможно было и мыслить о положительномъ успѣхѣ, а тѣмъ мѣнѣе, о побѣдѣ надъ кораблями.

Личное участіе, принимаемое въ бою, также не могло нисколько повліять на успѣшный исходъ его. Орудія наводили сами солдаты. Выѣшиваться въ наведеніе ихъ значило бы мѣшать безостановочности стрѣльбы. Да и къ поправкѣ наведенія нельзя было прискаты какихъ либо данныхъ. Не только дѣйствіе нашихъ выстрѣловъ, но и самыя корабли, по которымъ стрѣляли, оставались совершенно невидимыми въ дыму. Отблескъ выстрѣловъ съ кораблей служилъ единственнымъ указаніемъ того направленія, въ которомъ они находились. Разстояніе предполагалось тоже самое, какое было до открытія стрѣльбы, слѣдовательно, высота прицѣла оставалась та же, какъ и въ началѣ боя. Обязанность смѣдить за наведеніемъ и исправлять его сдѣлалась невозможною. Одушевлять солдатъ въ бою тоже не было надобности, такъ же какъ и побуждать ихъ къ самоотверженію. Они сами дѣлали гораздо болѣе, нежели можно было требовать или желать отъ нихъ. Стоя подъ адскимъ огнемъ совершенно открыто, работая при орудіяхъ съ удесатеренною энергіею, они внушали только удивленіе, благоговѣніе къ себѣ и не нуждались вовсе ни въ поощреніи, ни въ наставленіяхъ, которыхъ и не услышали бы за страшнымъ громомъ стрѣльбы.

Все дѣлалось какъ-то само собою. Солдаты стрѣляли, заряжали и наводили сами; даже пушки, откатываясь по выстрѣлѣ, сами собою тотчасъ же накатывались къ брустверу, какъ бы принимая прямое непосредственное участіе въ безостановочности оживленной борьбы. Что же оставалось дѣлать отдѣльной личности, чтобы отличиться, выдти изъ общаго уровня? Вотъ если бы бомба попала въ нашъ порховой погребъ и была выброшена или залита мною, или же промозохла бы угрожающій этому погребу пожаръ, и я погасилъ бы его, спасая батарею отъ взрыва, тогда бы....

Вдругъ, лопнувшая за нашимъ валгангомъ непріятельская бомба зажгла сложенную тамъ запасную мортирную платформу. Свѣжеосложенные брусья задымились. Въ одно мгновеніе, я схватилъ огромный ушатъ съ водою, который при обыкновенномъ нормальномъ состояніи не сдвинуть бы съ мѣста и, соскочивъ съ нимъ, съ 10-ти футовой высоты валганга, опрокинулъ его на платформу, конечно облившись и самъ съ головы до ногъ. Въ такомъ видѣ я воротился къ своему лейтенанту и принесъ ему, въ качествѣ трофея, полусгорѣвшій кусокъ зажигательнаго состава изъ непріятельской бомбы, завернутый въ гильзу изъ печатной газетной бумаги.

Лейтенантъ, встрѣтивъ меня съ ироническою улыбкою, пожурилъ за неумѣстное увлеченіе. Въ самомъ дѣлѣ, платформа могла горѣть,

никому не мѣшая и не нанося никакого вреда. Главный пороховой погребъ былъ отдѣленъ отъ нея высокою и толстою земляною насыпью, а нашъ расходный погребъ, подъ валгангомъ, находился поодаль и также прикрывался со входа наклоннымъ блиндажомъ изъ бревенъ, присыпанныхъ землею. Оказалось, что я поусердствовалъ напрасно. Мечты мои совершить подвигъ окончательно рушились. Такъ разлетаются надежды пылкой юности, идеальныя представленія о боѣ. Впрочемъ, я утѣшалъ себя тѣмъ, что моя смѣшная выходка все-таки принесла нѣкоторую пользу. Пожаръ платформы, кромѣ безпорядка и нравственнаго вліянія, дѣлалъ бы небезопасною и безостановочною подноску къ орудіямъ снаряженныхъ бомбъ изъ общаго бомбоваго склада и угрожалъ бы, при большемъ развитіи, и нашему погребку, и бревенчатому палисаду съ капониромъ, замыкавшему тѣсную горжу, у входа на нашъ флангъ батареи.

Чтобы занять меня болѣе полезнымъ дѣломъ, лейтенантъ поручилъ мнѣ обходить батарею и удостовѣряться въ правильности заряжанія и наведенія орудій, а въ особенности въ исправномъ дѣйствіи банникомъ, отъ котораго зависитъ тушеніе искръ предшествовавшаго выстрѣла и отвращается опасность отрыванія ругъ воспламенившимся зарядомъ при послѣдующемъ заряжаніи. Быстрота стрѣльбы и чрезвычайное разгоряченіе орудій отъ нея внушали также немалыя опасенія.

Описываю одинъ изъ такихъ обходовъ, чтобы дать понятіе о характерѣ дѣйствій при орудіяхъ въ бою 5-го октября.

Первое орудіе. Заряжающій бомбардиръ Вакуленко, малорось, рослый и видный мужчина, ворочавшій банникомъ, какъ перышкомъ. Наводчикъ бомбардиръ Шалаевъ, красивый и расторопный уроженецъ среднерусскихъ губерній. Оба опытные старослужащіе солдаты, у которыхъ дѣло шло и скоро, и споро, не требуя поправокъ или указаній.

— Какъ у васъ идетъ работа? спросилъ я.

— На свои руни охулки не положимъ! отвѣчали молодцы бомбардиры, не отрываясь отъ дѣла.

— Куда наводите?

— А вотъ мелькаютъ огоньки съ кораблей, что твоя молонья! Туда и наводимъ. Больше ничего не видно.

— Васъ учить нечего. Вы люди бывалые!

— Постоймъ за себя. «Пли!».

Выстрѣлъ загрохоталъ. Откатившійся единорогъ, самъ собою, снова надвинулся къ брустверу и снова бомбардиры бодро и весело приступили къ своей работѣ подъ свистомъ и визгомъ пронесившихся вокругъ непріятельскихъ снарядовъ.

Второе орудіе. Заряжающій канониръ Григоренко, наводчикъ — канониръ Дрожай, молодые солдаты, изъ малороссіянь, рекруты прошлогодняго набора, едва изучившіе приемы при орудіяхъ. Заряжая, они считали приемы про себя, полушопотомъ, и на напоминаніе мое о правильности заряжанія отвѣчали, что собственно для этого, не довѣряя самимъ себѣ, ведутъ счетъ приемовъ, чтобы во-время повернуть банныкъ, нажать плотнѣе запалъ, нажать досланный зарядъ и проколоть его протравникомъ.

— Что, братцы, приемы считаете? По счету непріятеля бьете? спросилъ я у нихъ.

— Да, чтобъ не сбиться и самихъ себя не побить, отвѣчали они.

— Дѣльно! а наводите какъ?

— На огонь, что мелькаетъ на взморьѣ. Вонъ тамъ!

— Вѣрно!

— «Пли!»

Наводчикъ соскочилъ съ платформы. Потъ катился съ него градомъ.

— Вспотѣлъ, братъ Дрожай. Зачѣмъ не сбросишь шинели, и безъ нея жарко.

— Жарко-то, жарко! Весь въ поту, да снимать-то некогда и трубочникъ мѣшаетъ.

Указавъ на пристегнутый поверхъ шинели ремень отъ трубочника, онъ поспѣшилъ тотчасъ же вскочить на полку, позади лафета, у его хобота, чтобы своею тяжестью дать ему перевѣсъ. Безъ этого быстро накатывающееся орудіе могло бы отъ скорости движенія, перевѣсившись впередъ, уткнуться дуломъ въ землю бруствера, или даже и опрокинуться. Для удержанія скорости накатыванія я распорядился посыпать рельсы поворотной платформы землею и пескомъ.

Подходя къ третьему орудію, я былъ осыпанъ три раза щебнемъ и пескомъ сорванными съ бруствера непріятельскими снарядами, и три раза принужденъ былъ неволью отступить на шагъ или на два. Заряжающій канониръ Вареха, также молодой солдатъ, малороссецъ, усердно работалъ банникомъ. По временамъ, когда визгъ непріятельскихъ снарядовъ, пронесившихся кругомъ въ несчетномъ множествѣ, достигалъ высшей стѣпени, становился ужасающимъ, онъ машинально знаменовалъ себя крестомъ и еще энергичнѣе продолжалъ свою работу.

— Что, братъ Вареха, жутко!

— Богъ милостивъ! Впервые страшновато было, а теперь ничего, отвѣчалъ онъ, соскакивая съ бруствера.

— Хорошо ли банишь? Коли сплоснаешь, руки оторветъ.

— Знаю и для того дѣлаю всё приемы вѣрно, по счету, чтобы часомъ руки не дрогнули.

— Такъ и слѣдуетъ! А наводите куда?

Наводчикъ, канониръ Козловскій, молодой и ловкій полякъ, указавъ мнѣ на блескъ огня корабельныхъ выстрѣловъ и по повѣркѣ мною наведенія смандовалъ свое: «пли!»

При четвертомъ орудіи дѣйствовалъ банникомъ прослужившій уже 25 лѣтъ старый солдатъ, изъ татаръ, Ахметъ иди, какъ называли его въ ротѣ, Ахметка. Свалившаяся фуражка отырала его лишенную волосъ голову, что придавало ему наибольшую типичность, свойственную его племени.

— Ахметъ! хорошо ли банишь? спросилъ я.

— Карошъ будетъ! Ахметка 25 годъ банникъ работой, своя дѣла знаимъ. Недарма голова облѣзъ на служба!

— Правда, старикъ, правда, и безъ волосъ можно быть молодцомъ! А кто наводитъ? Старикъ Широковъ. Я знаю, ты не одной иглой работать мастеръ!

— На то я портной, да и въ бомбардиры меня не даромъ жаловали. Вотъ и взводный нашъ скажетъ такъ ли это?

Фейерверкеръ Ратомскій, типъ образцоваго учебнаго унтеръ-офицера, фронтоватый, вѣчно улыбающійся, полякъ, наблюдавшій за стрѣльбою обоихъ сосѣднихъ орудій, завѣрилъ меня, что все идетъ хорошо.

Въ это время канониръ Мазуркевичъ, вкладывавшій въ орудіе снарядъ, услышавъ слишкомъ близкій визгъ пролетающаго ядра, невольно наклонился.

— Не кланійся! Всякой ядро кланится голова свихнешь, шутилъ Ахметка.

Но едва только Мазуркевичъ, сошедшій съ бруствера, ступилъ на платформу, другое неприятельское ядро сорвало у него заднюю часть черепа. Около полусекунды онъ оставался еще на ногахъ и потомъ всѣмъ тѣломъ грохнулся на землю. Ни стопа, ни звука не вырвалось изъ его груди.

Унести трупъ было некому и некогда. По распоряженію моему, его оттащили только за орудіе, чтобы онъ не мѣшалъ заряданію, и положили на валгангъ, лицомъ къ небу. Долго еще въ незакрытыхъ глазахъ его замѣчались признаки угасавшей жизни. Бѣдный товарищъ!

Распорядясь замѣною убитаго другимъ, я перешелъ на правый фасъ нашего исходящаго угла. Здѣсь дѣйствовали только два орудія.

Бывшій при нихъ фейерверкеръ Федоровъ, срѣзывая съ бомбъ

пластыри, указавъ мнѣ со смѣхомъ на брызги отъ падавшихъ вблизи бруствера непріятельскихъ снарядовъ, обдававшія его въ видѣ дождя.

— Каковъ дождь! говорилъ онъ, — совсѣмъ забрызгалъ.

Вдругъ непріятельское ядро, ударившись въ дуло втораго орудія и сдѣлавъ на немъ широкую ссадину, раздробило въ щепы дѣвую станину лафета, повредивъ и самую оковку ея. Хотя орудіе удерживалось еще на оковкѣ лафета, но при выстрѣлѣ онъ могъ окончательно развалиться и самое орудіе, сдѣлавшееся ненадежнымъ отъ полученныхъ ссадинъ у дула, могло угрожать разрывомъ. Прекративъ стрѣльбу изъ этого орудія, я воротился къ своему лейтенанту съ докладомъ о сдѣланныхъ распоряженіяхъ.

На обратномъ пути я увидѣлъ бомбардира Вакуленко, сидящаго на кронѣ бруствера. Ожидая подноски снаряженныхъ бомбъ, онъ предпочелъ помѣститься совершенно открыто, подъ выстрѣлами, чтобы имѣть возможность, пользуясь свободнымъ временемъ, рассмотреть, хотя сколько нибудь, въ дыму расположеніе непріятельскихъ кораблей. Это казалось бы большою неосторожностью, но подобное спокойствіе, хладнокровіе и презрѣніе къ опасности такъ много вліяютъ на большинство, что заслуживаютъ полного одобренія и похвалы.

Для отвращенія подобныхъ остановокъ на будущее время, я, по приказанію лейтенанта, распорядился, чтобы за недостаткомъ снаряженныхъ бомбъ употреблялись для стрѣльбы бомбы, наполненные пескомъ, съ очками, забитыми деревянными нагелями, сложенные при единорогахъ въ запасъ, на случай дѣйствія подъ самымъ большимъ угломъ возвышенія, по подходившимъ издадалека пароходамъ.

Фейервергеръ, изъ личныхъ дворянъ, Григорьевъ, исправлявшій въ это время должность фельдфебеля въ 3-й артиллерійской ротѣ, добровольно вызвался пройти чрезъ всю совершенно открытую мѣстность внутри батареи, поражаемую рикошетировавшими по ней во всѣхъ направленіяхъ непріятельскими снарядами, и сдѣлать распоряженіе о безостановочной подноскѣ на нашъ флангъ снаряженныхъ бомбъ изъ общаго склада, находившагося на противоположномъ концѣ батареи. Организация такой подноски не была устроена заблаговременно. Скоро, однако, появились въ большомъ числѣ новые подносчики снарядовъ и между ними много пѣхотныхъ рекрутовъ, даже не обмундированныхъ еще въ солдатскую форму. Неся по двѣ пудовыя бомбы на обѣихъ рукахъ, у груди, они пробѣгали смѣло подъ сотнями отвсюду несшихся непріятельскихъ снарядовъ, но сталпливались иногда у узкаго входа на нашъ флангъ батареи въ нерѣшимости идти далѣе, потому что трупъ убитаго канонира Мазуркевича, лежавшій на пути

ихъ, производилъ на нихъ поражающее впечатлѣніе. Дѣлая имъ знакъ рукою, такъ какъ голосъ при звукахъ пальбы не могъ быть услышанъ, я заставлялъ ихъ быстро пробѣгать ужасавшее пространство и также скоро возвращаться за новыми бомбами.

Борьба батарей и флота продолжалась уже болѣе часа, безъ ощутительнаго перевѣса той или другой стороны, но корабль «Шарлемань», потерпѣвъ значительныя поврежденія и потерю въ людяхъ отъ нашихъ четырехъ пушекъ, принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго состязанія и выйти изъ линіи. Выходъ и удаленіе его въ густомъ дыму отъ выстрѣловъ не были замѣчены сначала нами, а потому пальба продолжалась въ томъ же направленіи. Скоро, однако, по прекращеніи блеска выстрѣловъ и полета снарядовъ со стороны этого корабля, стало понятно, что онъ двинулся съ мѣста, но куда именно, впередъ ли, для того, чтобы еще болѣе сблизиться съ батареею, или назадъ, чтобы уклониться отъ ея выстрѣловъ, было неизвѣстно. Потому я распорядился стрѣлять гораздо рѣже, пока, по продолжительной безотвѣтности корабля, не опредѣлилось ясно, что онъ совершенно удалился.

Въ это время, примѣрно часа чрезъ два отъ начала боя, грохотъ пальбы со всѣхъ кораблей началъ какъ бы постепенно удаляться. Снаряды уже не проносились надъ нами и не падали у берега моря, предъ брустверомъ, какъ прежде, когда они обдавали насъ брызгами. Наконецъ, даже отблескъ выстрѣловъ пересталъ быть видимымъ. Корабли, очевидно, удалялись. Звуки пальбы не прекращались, однако, хотя отдавались болѣе глухо и отдаленно, но съ прежнею непрерывностью, походившею на рокотъ или клокотаніе. Было ли это эхо прежнихъ выстрѣловъ, продолжали ли стрѣлять корабли, проходя Константиновскую батарею, или же стрѣляли только одни корабли, атакующіе сѣверныя батареи, оставалось неизвѣстнымъ. Возникали даже догадки, что непріятель стрѣляетъ холостыми зарядами. Но это было неправдоподобно и не оправдывалось какою либо разумною цѣлью.

За дымомъ, въ 20 шагахъ отъ бруствера, ничего не было видно; весь горизонтъ, всѣ батареи и даже самое солнце казались утонувшими въ немъ. Мало по малу дымъ сталъ проноситься и рѣдѣть. Понятно было, что корабли удалялись, но куда именно, съ какимъ намѣреніемъ, за дымомъ невозможно было различить. Съ батареею Сѣверной стороны, въ особенности съ Волоховой башни, находившейся на очень высокой мѣстности, безъ сомнѣнія, можно было видѣть это передвиженіе и по направленію его угадать намѣренія непріятеля. Но для взаимной передачи наблюденій между батареями не было услов-

лено и установлено какихъ либо сигналовъ. Потому южныя батареи, оставаясь въ полной неизвѣстности относительно мѣста и намѣреній непріятели, хотя не прекращали огня, изъ опасенія быть застигнутыми врасплохъ, но стрѣляли рѣдко и совершенно наудачу.

Въ такіе-то именно моменты общаго недоумѣнія и неизвѣстности, дѣлаются возможными: форсированія рейдовъ, или проходовъ и отважныя нападенія судовъ на батареи, на самой близкой дистанціи. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ четверть часа, на мѣстѣ корабля «Шарлемань», но сажень на 100 ближе, появился другой, неизвѣстный корабль. Темный силуэтъ его едва могъ быть различаема въ дыму и притомъ такъ неопредѣленно, что нельзя было замѣтить паровой ли онъ, или буксируемый пароходомъ. Скоро корабль этотъ открылъ усиленную стрѣльбу по нашей батарее. За нимъ открыли огонь и прочіе корабли всей линіи. Снаряды повеселись надъ нами еще сильнѣе, чѣмъ при первоначальномъ нападеніи; визгъ ихъ былъ рѣзче и яснѣе. Однимъ словомъ, было ошутительно, что корабли дѣйствовали съ разстоянія гораздо болѣе близкаго, нежели прежде. Сколько ихъ было въ это время, откуда и въ какомъ порядкѣ они подошли, никто не зналъ и не видѣлъ. Дымъ, маскировавшій приближеніе кораблей, даже имъ возможность подойти ближе и установиться, не подвергаясь учащенному огню предварительно наведенныхъ и пристрѣлянныхъ на опредѣлившееся до накопленія дыма разстояніе орудій, какъ это было въ началѣ боя. Такимъ образомъ, единственный шансъ нѣкотораго успѣха батарей былъ уничтоженъ передвиженіемъ, совершеннымъ кораблями. Послѣ него, батареи могли стрѣлять только наудачу, точно такъ же какъ и корабли, не имѣвшие возможности наблюдать паденіе своихъ снарядовъ и исправлять свои ошибки.

Мы оставались въ недоумѣніи, какіе именно корабли атаковали насъ въ это время. Заявляли предположеніе, что французскіе корабли смѣнены англійскими. Но, очевидно, это была не смѣна судовъ, а возобновленіе прежней атаки, по всей вѣроятности тѣми же кораблями и въ томъ же боевомъ порядкѣ. По выходѣ изъ линіи поврежденныхъ кораблей: «Парижъ», «Шарлемань» и другихъ, на которыхъ произошли пожары, линія атакующихъ судовъ совершенно разстроилась и ослабилась на половину. Вступленіе въ нее вновь кораблей, погасившихъ пожары и исправившихъ поврежденія, было невозможно въ густомъ дыму, такъ какъ они могли столкнуться съ другими кораблями, или попасть подъ ихъ выстрѣлы. Потребовалось вновь построить ихъ и ввести снова въ бой, въ правильномъ порядкѣ, сблизившись какъ можно болѣе съ батареями. Если бы огонь батарей былъ

ослабленъ первою атакою, то при вторичной атакѣ корабли, конечно, подошли бы еще ближе къ батарее № 10 и довершили бы ея разстройство, а затѣмъ, обстрѣливая мѣстность между нею и городомъ, дали бы возможность своимъ войскамъ занять нашу батарею съ сухаго пути, или же высаженнымъ съ кораблей десантомъ. Это, по видимому, входило въ планъ дѣйствій, въ диспозицію атакующей эскадры.

Но неудача перваго періода атаки отразилась вполнѣ и на второмъ ея періодѣ. Огонь кораблей былъ такъ же мало дѣйствителенъ, какъ и въ началѣ атаки. Пораженіе, наносимое орудіямъ и прислугѣ, было совершенно ничтожно.

Общая цѣль непріятеля заключалась въ намѣреніи уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, на столько ослабить передовыя батареи, защищающія Севастополь съ моря и, въ особенности, батарею № 10, чтобы овладѣть ими, или, по самой меньшей мѣрѣ, получить возможность подойти ближе къ городу и бомбардировать его съ флота съ большею дѣйствительностію. Число непріятельскихъ кораблей, спокойно и мужественно, подъ огнемъ нашихъ батарей, занявшихъ свои мѣста безъ выстрѣла; громадное превосходство ихъ вооруженія и выгодное расположеніе на продолженіи фасовъ, съ фланга и даже въ тылу батарей; словомъ, все заставляло предполагать, что подобная цѣль будетъ легко достигнута. Но это-то преувеличенное сознание собственнаго превосходства или, проще, самообольщеніе совершенно повредило успѣху. Во-первыхъ, слишкомъ надѣясь на колоссальную силу вооруженія, превосходство позиціи, энергію и искусство матросовъ, корабли стали въ такомъ разстояніи отъ батарей (450—650 сажень), на которомъ изъ гладкостѣнныхъ орудій попадаетъ лишь отъ 15 до 20%. На батареяхъ же за землянымъ брустверомъ, орудія, стрѣляющія чрезъ банкъ, располагаются такъ рѣдко и представляютъ такую малую цѣль, что собственно въ орудія и ихъ прислугу съ этого разстоянія могли попасть только случайные выстрѣлы.

Во-вторыхъ, при неимѣннн другихъ средствъ къ опредѣленію разстояній, кромѣ исправленія послѣдующихъ выстрѣловъ по дѣйствіямъ первыхъ, корабли, не имѣвшіе возможности пристрѣлать орудія, не могли навести правильно. Глазomѣрное же опредѣленіе разстоянія, при чрезвычайномъ возбужденіи орудійной прислуги, поражаемой притомъ учащенными выстрѣлами, и до цѣли, закрываемой дымомъ, было не только затруднительно, но и совершенно невозможно.

Въ-третьихъ, громадное число орудій (800) на одномъ борту французской эскадры, съ 60,000 снарядовъ, давало такую само-

увѣренность французамъ, что они предположили одновременно достигнуть нѣсколькихъ цѣлей. Такъ, вмѣсто исключительнаго дѣйствія по орудіямъ береговыхъ батарей, чтобы сбить ихъ и заставить умолкнуть, они намѣревались, кромѣ того, срыть выстрѣлами самыя бруствера батарей и; бомбардируя внутренность ихъ, а также мѣстность за ними, не только нанести полнѣйшее пораженіе батареямъ, но и уничтожить всякую возможность поддержать ихъ подкрѣпленіями изъ города. Въ такомъ предположеніи, наиболѣе сильныя орудія нижнихъ корабельныхъ дековъ, преимущественно бомбовыя пушки, были направлены въ бруствера, чтобы срыть ихъ; средніе деки назначались для демонтажа орудій на батареяхъ, а верхніе—для бомбардированія внутренности батарей и мѣстности за ними.

Расчетъ казался довольно вѣрнымъ, но случилось совершенно противное. Незнѣтность разстоянія и невозможность правильнаго наведенія, а также желаніе достигнуть разомъ многихъ цѣлей, были причиною ошибочнаго направленія выстрѣловъ. Снаряды съ нижняго дека кораблей попадали не въ бруствера, а гораздо ниже, въ скалистый берегъ, и, отражаясь отъ него, падали въ море. Снаряды средняго дека, направленные по орудіямъ на батареяхъ, проносились нѣсколько выше надъ нами и падали внутри батарей, далеко за орудіями, или перелетали даже за батареи. На 30 убитыхъ и раненыхъ на всей нашей батарее № 10 мы собрали во дворѣ батареи 2,700 ядеръ и не разорванныхъ бомбъ, кромѣ громаднаго числа осколковъ отъ разорванныхъ снарядовъ. Наконецъ, съ третьяго или верхняго дека непріятельскихъ кораблей, снаряды, направленные очень высоко, ложились на мѣстности за батареями № 10 и Александровскою, и долетали рикошетами на батареи №№ 7 и 8, и къ оборонительной стѣнѣ, между ними и бастиономъ № 6, буквально устилая чугуномъ всю эту мѣстность. Только случайныя выстрѣлы, составлявшіе лишь рѣдкое исключеніе, попадали въ орудія, лафеты и прислугу.

Тѣмъ не менѣе, положеніе батареи № 10 внушало всѣмъ живѣйшія опасенія. Оно казалось совершенно отчаяннымъ, безнадежнымъ. Опасаясь, что непріятель воспользуется закрывающимъ движеніемъ его дымомъ и разобщеннымъ положеніемъ батареи этой, чтобы занять ее съ сухаго пути, у стѣнки, между 6-й и 7-й батареями, приготовили два баталіона пѣхоты, на случай надобности выбить изъ нея непріятеля. Когда же звукъ нашихъ и непріятельскихъ выстрѣловъ слился въ общемъ глухомъ гулѣ и сдѣлался безразличнымъ, а дымъ скрылъ, въ непроницаемомъ мракѣ, и корабли, и батареи, вице-адмиралъ Нахимовъ, съ любопытствомъ истаго моряка слѣдившій за на-

ступленіемъ кораблей съ бастіона № 6 и видѣвшій ихъ число, выгодное расположеніе и силу, предположилъ, что батарея № 10 разрушена, орудія ея сбиты и прислуга погибла. Всѣ шансы полнаго и несомнѣннаго успѣха, полное превосходство во всемъ находились на сторонѣ флота. Этому превосходства, конечно, не могъ не понять, не могъ не оцѣнить такой искусный и опытный морякъ, какъ Нахимовъ. Съ средствами вѣятеро меньшими, онъ уничтожилъ Синопъ со всеми его батареями; потому и уничтоженіе батареи № 10 казалось для него совершенно несомнѣннымъ. Онъ вызвалъ на бастіонъ № 6 охотниковъ-матросовъ, которые, съ лейтенантомъ Троицкимъ, пробрались къ намъ, подъ тысячами непріятельскихъ снарядовъ, скреживавшихся на мѣстности, отдѣляющей батарею № 10 отъ бастіона № 6. Подвигъ, достойный удивленія, хотя и не имѣвшій послѣдствій. Моряки оставались правдыми зрителями боя, достойно начатаго и упорно доведеннаго до конца одними артиллеристами.

Батарея наша во второмъ періодѣ атаки дѣйствовала такъ же учащенно, какъ и въ первомъ. Разгоряченіе орудій отъ частой стрѣльбы было такъ велико, что у казенной части невозможно было держать руки. Потому, изъ опасенія преждевременныхъ выстрѣловъ отъ чрезмѣрнаго разгоряченія, банники смачивали послѣ каждаго выстрѣла и нѣсколько разъ обдавали водою самыя орудія. Но смоченные при этомъ рельсы и раскатавшіяся колеса были причиною того, что лафеть съ орудіемъ, накатившись самъ собою, сохранялъ еще столько движущей впередъ силы, что хоботъ приподнимался и орудіе, быстро наклоняясь впередъ, удерживалось только уткнувшись дуломъ въ брустверъ. Чтобы отвратить это, по распоряженію моему, рельсы посыпали пескомъ и наводящій орудіе старался вскочить на платформу и стать на попку лафета, пока онъ еще не докатился до бруствера. Несчастныхъ случаевъ отъ скорой стрѣльбы не было, потому что главнѣйшія дѣйствія заряданія выполнялись не только тщательно, но при малѣйшемъ недовѣрціи къ себѣ даже со счетомъ приемовъ. Солдаты вполнѣ сознавали и помнили, что нужно было хорошо выбанить орудіе, правильно вложить и дослатъ зарядъ и снарядъ, плотно закрывать запаль и вѣрно наводить орудіе. Они это и дѣлали. Остальные приемы, которымъ ихъ такъ тщательно обучали въ мирное время, какъ непрігодные въ бою, были ими брошены. Банникъ и прибойникъ подавались безъ уставныхъ приемовъ и вмѣсто пяти человекъ, при орудіи дѣйствовало только четыре, такъ какъ пятый едва успѣвалъ подносить зарядъ, хотя и приносилъ ихъ въ двухъ конорахъ по че-

тыре разомъ. Подноску замедлила тѣснота погребовъ и одновременное скопленіе въ нихъ подносчиковъ отъ всѣхъ орудій.

По истеченіи еще около часа огонь съ кораблей опять началъ нѣсколько ослабѣвать, и въ разрѣженномъ дымѣ съ нашей батареи былъ замѣченъ за Херсонесскимъ мысомъ трехмачтовый корабль, со сбитою среднею мачтою. По всей вѣроятности, это былъ «Шарлемань», вошедшій въ бухту за мысомъ, для исправленія своихъ поврежденій. Въ эту сторону были направлены двѣ пяти пудовыя мортиры, изъ которыхъ я распорядился сдѣлать по немъ два выстрѣла, наибольшимъ, наполнившимъ всю намуру зарядомъ. Послѣ втораго выстрѣла, корабль послѣшно удалился. Быстрое удаленіе его доказывало, какъ велико было опасеніе, внушаемое навѣсно брошевною бомбою (*).

При стрѣльбѣ изъ нашихъ мортиръ, по недостатку свободной артилерійской прислуги, участвовалъ въ заряданіи пѣхотный часовой, стоявшій у входа на нашъ флангъ батареи, при ручныхъ гранатахъ, предназначенныхъ для дѣйствія при штурмѣ съ сухаго пути и хранившихся въ особомъ ящикѣ, въ будкѣ для часоваго. Еще въ началѣ боя неприятельская бомба, попавшая въ будку, разбила ее въ дребезги и взорвала гранатки, не нанеся, однако, никакого вреда часовому, стоявшему въ десяти шагахъ отъ нея у бруствера близъ мортиръ. Хотя постъ этого часоваго уничтожился самъ собою, но часовая, какъ не смѣненный еще своимъ ефрейторомъ, продолжалъ стоять на своемъ мѣстѣ съ ружьемъ у ноги, подъ тысячами проносившихся кругомъ неприятельскихъ снарядовъ. Къ сожалѣнію, имя этого часоваго осталось неизвѣстнымъ, а добросовѣстное исполненіе имъ своей обязанности не замѣченнымъ и не награжденнымъ. Впрочемъ, добросовѣстное исполненіе долга не казалось тогда подвигомъ; мы считали все подобное просто выполненіемъ службы, поступкомъ не только свойственнымъ, но даже обязательнымъ для каждаго солдата.

Кромѣ взрыва ручныхъ гранатъ, на нашей батарее было взорвано еще два ящика съ снаряженными бомбами, стоявшіе открыто на валгангѣ за орудіями. Къ счастью, взрывъ ихъ не нанесъ также вреда и даже не былъ замѣченъ и слышанъ большинствомъ изъ насъ въ грохотъ неумолкаемой пальбы. Вообще, опасность на открытыхъ батареяхъ была несравненно меньше и самыя дѣйствія гораздо удобнѣе, нежели въ казематахъ. Снаряды, пролетавшіе на одинъ футъ лѣвѣе или правѣе, или же выше орудія и людей, не причиняя никакого

(*) Любопытно было бы знать, въ это ли время попала въ него бомба, пробившая, какъ писали о томъ въ газетахъ, всѣ его три палубы, или же это случилось ранѣе, когда онъ былъ еще въ общей линіи, на которой стрѣляла одна наша мортира, стоявшая на насыпи надъ пороховымъ погребомъ.

вреда, проносились мимо, далеко за орудія и разрывались тамъ также совершенно безвредно для насъ. Дымъ отъ своихъ орудій проносился лучше и менѣе закрывалъ непріятеля. Самые взрывы ящиковъ съ зарядами и снарядами и даже взрывы небольшихъ пороховыхъ погребковъ не были особенно вредоносны. Напротивъ, въ казематированныхъ батареяхъ дымъ собственной стрѣльбы часто совершенно застигалъ амбразуры и, наполняя казематы все болѣе и болѣе, затруднял не только наведеніе орудій, но даже и самое дыханіе. Непрѣтежскіе снаряды по громадности цѣли, представляемой многоярусною казематированною батареею, почти вовсе не проносились мимо и, попадая въ щели и края амбразуръ, поражали людей каменьями и осколками ихъ. Разрывавшіяся же внутри казематовъ бомбы, по тѣснотѣ пространства производили губительное дѣйствіе. Даже и тѣ снаряды, которые разрывались во дворѣ батареи далеко за орудіями, поражали людей осколками сквозь огромныя окна, предназначенныя для выхода дыма, но очень плохо выполнявшія это назначеніе.

Дѣйствія при орудіяхъ въ казематахъ вообще были болѣе стѣснены и заряжаніе не могло быть такъ ускорено, какъ на открытыхъ батареяхъ. Затруднительнѣе же всего была подноска зарядовъ и снарядовъ изъ пороховыхъ погребовъ, расположенныхъ на оконечностяхъ батареи съ весьма узкими входами, въ которыхъ должны были толпиться подносчики отъ 13—15 орудій. Это послѣднее неудобство заставило поставить на Константиновской батареѣ нѣсколько зарядныхъ ящиковъ во дворѣ ея, такъ какъ въ самыхъ казематахъ, служившихъ казармами нижнимъ чинамъ и кухнями для нихъ, помѣщеніе такихъ ящиковъ было не удобно и не безопасно. Высота двухъ ярусовъ казематовъ съ каменнымъ парапетомъ, достигавшая 80 фут., казалось, хорошо охраняла ящики во дворѣ батареи отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Но это только казалось. Бомба съ парохода, дѣйствовавшая по Константиновской батареѣ съ тыла, взорвала одинъ изъ этихъ ящиковъ, за которымъ въ тотъ же моментъ взлетѣли на воздухъ и прочіе ящики. Взрывъ ихъ оказалъ ужасающее дѣйствіе. Онъ произвелъ обвалъ одной изъ внутреннихъ стѣнъ казематовъ, опрокинулъ и повредилъ почти всѣ орудія верхней платформы. Прислуга, бывшая при этихъ орудіяхъ отъ резервной пѣхоты, по большей части перераненая, принуждена была оставить платформу. На ней уцѣлѣлъ только одинъ крайній одно-пудовый единорогъ, изъ котораго стрѣлялъ только одинъ человекъ, не оставившій своего мѣста, не смотря ни на какія опасности. Это былъ фельдфебель 3-й артиллерійской роты Григорій Брилевичъ. Онъ приносилъ для себя заряды по

десятку и болѣе въ полахъ шинели; заряжалъ орудіе стоя на скользкомъ, весьма покатою къ сторонѣ морѣ каменномъ парапетѣ, въ 78 фут. надъ берегомъ, покрытымъ глыбами острыхъ, неправильнаго вида камней. Для зажиманія запала при заряданіи служилъ ему кусокъ кирпича, обвернутый лоскуткомъ сукна, оторваннымъ отъ полы шинели. За подвигъ этотъ Брилевичъ былъ представленъ къ прощенью штрафа, за который содержался подъ арестомъ на Константиновской батарее. Но онъ не дожидъ до полученія награды.

Взрывъ, происшедшій на Константиновской батарее, былъ замѣченъ съ непріятельскаго флота, но какъ батарея все еще продолжала отстрѣливаться, то, чтобы удостовѣриться въ степени ея поврежденія и, по возможности, довершить его, корабль «Агамемнонь» обошелъ англійскую эскадру и, пройдя мимо фланга французской, смѣло вышелъ изъ сферы дыма и, остановясь въ виду всѣхъ передовыхъ батарей Севастополя, на продолженіи лѣваго фаса Константиновской батареи, открылъ съ одного борта продольный огонь по платформѣ этой батареи и, въ тоже время, съ другаго борта въ тылъ исходящей части лѣваго фланга нашей батареи № 10-го, чрезъ ея пониженный шести-орудійный фасъ. Снаряды, брошенные съ него, рикошетируя внутри батареи, попадали въ бревенчатый капониръ и, расщепляя бревна, засѣдали въ нихъ или, отражаясь отъ нихъ, проносились далѣе. По кораблю этому открыли огонь нѣсколько орудій съ закругленія Константиновской батареи, и нѣсколько съ Александровской и № 10-го. Съ шести-орудійнаго фаса батареи № 10-го, за недостаткомъ прислуги, я могъ открыть стрѣльбу по немъ только изъ одного орудія. Нельзя было не сознать, какъ бы былъ полезенъ при этомъ какой нибудь траверсъ съ закрытымъ помещеніемъ для прислуги. Но его не было, и прислуга этого фаса, сошедшаго съ него къ другимъ дѣйствующимъ орудіямъ батареи, не могла быть собрана снова и, такимъ образомъ, утрачивался одинъ изъ наилучшихъ моментовъ дѣйствія.

Упорно и мужественно почти около четверти часа «Агамемнонь» отстаивался на занятой имъ позиціи; дѣйствуя съ обоихъ бортовъ по батареямъ Константиновской и № 10-го, и потомъ медленно, какъ бы неохотно, уступая превосходной силѣ, онъ началъ отодвигаться назадъ и скрылся, наконецъ, въ сферѣ дыма. Здѣсь-то именно корабль «Агамемнонь» получилъ свои опасныя поврежденія, о которыхъ писали потомъ въ газетахъ. Онъ могъ бы быть совершенно уничтоженъ, если бы существовала возможность быстро опредѣлять разстояніе до корабля для безошибочнаго наведенія и дать знать о мѣстѣ

судна тотчасъ же всѣмъ другимъ батареямъ. Здѣсь могли бы поражать этотъ корабль съ разстоянія 600—700 саж. батареи № 7-го и № 8-го, даже Михайловская и Николаевская, вооруженныя въ этомъ направленіи 116 орудіями, въ томъ числѣ 18 бомбовыми трекъ-пудовыми пушками. Къ сожалѣнію, батареи эти, на отдаленности своей и изобиліи дыма, не замѣтили корабля и единственный моментъ удобнѣйшаго его пораженія былъ невозвратно утраченъ. Такъ вообще удаются въ бою самыя отважныя и неожиданныя движенія и дѣйствія, послужившія основаніемъ русской пословицы: «смѣлость города беретъ». Подобныя движенія и дѣйствія по своей быстротѣ и неожиданности особенно поражаютъ морально, а по неподготовленности къ нимъ обороняющейся стороны бывають тѣмъ болѣе удачны, чѣмъ болѣе они смѣлы и рискованны. Смѣлость и неожиданность появленія корабля и неподготовленность къ тому батарея были причиною, что даже передовыя батареи могли дѣйствовать по нему только не многими орудіями. Большинство орудій было отвлечено борьбою съ другими кораблями; для орудій же, не участвовавшихъ въ стрѣльбѣ, съ начала боя недоставало прислуги. Къ этому надобно прибавить: общее возбужденное состояніе людей, неимѣющую торопливость, усиленную желаніемъ нанести непріятелю наибольшій вредъ въ скорѣйшее время и, наконецъ, дѣйствіе наугадъ безъ заранѣе условленнаго и предварительно изученнаго наведенія, по лежащей предъ батареями мѣстности. Къ этому предстояла, однако, полная возможность, такъ какъ батареи остаются всегда неподвижными и мѣстность передъ ними никогда не измѣняется, что и даетъ случай къ точному опредѣленію мѣстъ кораблей (или другихъ предметовъ въ ярѣности) и разстоянія до нихъ по заранѣе изученному наведенію орудій въ извѣстныхъ направленіяхъ, которое можетъ быть включено въ таблицы стрѣльбы для каждой батареи, заблаговременно составленныя и провѣренныя на опытѣ стрѣльбою по движущимся щитамъ. Недостатокъ средствъ, ускоряющихъ и облегчающихъ наведеніе, былъ еще ощутительнѣе на движущихся, а потому измѣняющихъ разстояніе и направленіе кораблей. Храбрый экипажъ корабля «Агамемнонъ», естественно находившійся еще въ большемъ волненіи, нежели наши артиллеристы, не извлекъ никакой пользы изъ своего выгоднаго положенія и растратилъ напрасно направленные въ насъ снаряды. Они пронеслись надъ нами, не задѣвая никого и ничего, если не считать нѣсколько кусковъ отбитыхъ отъ бревенъ капонира, не потерпѣвшаго, однако, серьезныхъ поврежденій.

Съ каждымъ часомъ огонь кораблей становился слабѣе и сла-

бѣе; тѣ изъ нихъ, которые получили сколько нибудь значительныя поврежденія, тотчасъ же выходили изъ линіи и уже болѣе не возвращались въ нее. Хотя видѣть это въ дыму съ батареи № 10-й было невозможно, но прекращеніе блеска выстрѣловъ и вообще ослабленіе огня въ томъ или другомъ направленіи дѣлали ощутительнымъ такое удавленіе. Даже дымъ становился рѣже, какъ бы прозрачнѣе. Съ батареи № 10-го, предъ окончаніемъ боя, въ разрѣженномъ дыму можно было разглядѣть темный силуэтъ корабля «Родней», со сбитою среднею мачтою, ставшій на мель за Константиновскою батареею. Корабль этотъ хотя и находился въ направленіи нѣкоторыхъ орудій этой батареи, но былъ такъ далеко отъ нея, что стрѣльба противъ него была бы совершенно напрасною тратою пороха и снарядовъ, какъ по неопредѣленности разстоянія, такъ и потому, что самый корабль былъ едва замѣтенъ въ дыму.

Корабль «Родней» попалъ на мель, постепенно приближаясь къ Константиновской батарее въ мѣстѣ съ другими судами, дѣйствовавшими по ней съ тыла, для того, чтобы нанести ей рѣшительное пораженіе стрѣльбою съ самой близкой дистанціи. Только три орудія праваго крыла офицерскаго флигеля этой батареи и одно съ батареи Карташевскаго могли стрѣлять по гребнымъ судамъ, спущеннымъ съ корабля «Родней» для завоза верповъ, чтобы сняться съ мели. Одна изъ этихъ шлюпокъ была потоплена выстрѣлами, направленными въ нихъ изъ опасенія, что они намѣреваются свозить десантъ, для овладѣнія батареею съ сухаго пути. Такая попытка со стороны непріятеля была бы не только возможною, но даже неизбежною, если бы названныя три орудія въ офицерскомъ флигелѣ, стоявшія въ амбразурахъ, обращенныхъ къ городу, по случаю загражденія входа въ бухту затопленными кораблями и ожидавшагося наступленія непріятельскихъ войскъ съ сѣверной стороны, не были перемѣщены, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, для защиты батареи съ горжи. Не случись этого перемѣщенія, бездѣйствіе Константиновской батареи противъ спущенныхъ гребныхъ судовъ показало бы непріятелю, что онъ находится въ пространствѣ вовсе не обстрѣливаемомъ и, конечно, навело бы его на мысль высадить здѣсь хотя небольшой десантъ, чтобы овладѣть Константиновскою батареею. Находясь внѣ ея выстрѣловъ, въ тылу ея, не болѣе 150 саж. отъ берега, гребныя суда могли бы легко сдѣлать высадку хотя небольшого отряда, который также легко могъ пробраться не замѣченнымъ, подъ прикрытіемъ скалистаго берега, къ самой горжѣ батареи и ворваться въ нее. Замѣшательство, произведенное взрывомъ зарядныхъ ящиковъ на батарею, и сильное пораженіе

внутренности ея непріятельскими выстрѣлами, заставили пѣхотное прикрытие ея разбѣтаться совершенно разрозненно, чтобы хотя сколько нибудь укрыться отъ пораженія; артиллеристы же были заняты у орудій и не имѣли при себѣ ручнаго оружія. Визвѣнность и смѣлость нападенія, имѣющія громадное моральное вліяніе, могли бы рѣшить участь Константиновской батареи. Но три орудія, случайно и совершенно для иной цѣли перемѣщенныя на батарею, и прислуга ихъ, сдѣйствующая за происходящимъ въ морѣ у его берега, предотвратили подобное нападеніе.

Отсюда очевидно, какъ важно заранѣе изслѣдовать направленіе каждаго изъ орудій и изучить мало обстрѣливаемые или вовсе не обстрѣливаемые пространства, чтобы заблаговременно приготовить ихъ оборону. Столько же важно и необходимо имѣть непременно при каждомъ орудіи хотя одного изъ наиболее опытныхъ артиллерійскихъ солдатъ, преимущественно наводчиковъ, чтобы, слѣдя со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ направленіяхъ за движеніями непріятеля и за видоизмѣненіями боя, никогда и нигдѣ не быть застигнутыми врасплохъ.

Скоро наступили сумерки. Когда совершенно стемнѣло, корабли французской эскадры прекратили бомбардированіе и отошли отъ батарей. Проходя мимо Константиновской батареи, каждый изъ нихъ дѣлалъ залпъ, конечно, наудачу. Съ батареи № 10-го, во время этого послѣдняго передвиженія кораблей, сдѣлано нѣсколько рѣдкихъ выстрѣловъ на блескъ непріятельскаго огня, просто изъ желанія показать непріятелю, что батарея не только существуетъ, но и дѣйствуетъ попрежнему.

Такъ кончился, около 6¹/₂ часовъ вечера, памятный для насъ бой 5-го октября. Многіе изъ артиллеристовъ, истомленные шестичасовымъ физическимъ и моральнымъ напряженіемъ, бросились въ изнеможеніи на землю, въ нѣсколькихъ шагахъ за орудіями, чтобы перевести духъ. Другіе, еще не выбившіеся изъ силъ, отошли, чтобы удовлетворить требованіямъ голода и жажды, потому что въ самага утра, съ открытія стрѣльбы по Херсонесской батарее, никто не бралъ въ ротъ ни куска хлѣба, ни капли воды. Всѣ были такъ взволнованы и возбуждены, что матеріальныя требованія были совершенно забыты.

Вслѣдъ за окончаніемъ боя прибылъ къ намъ начальствовавшій приморскими батареями Севастополя, генералъ-маіоръ Пихельштейнъ, и сообщилъ горестную вѣсть о смерти Корнилова, которому оторвало ногу на Малаховомъ курганѣ, при вторичномъ объѣздѣ боевыхъ линій подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Севастополь, а въ особенности флотъ, потеряли въ немъ одного изъ самыхъ энергическихъ дѣя-

такой, одного изъ лучшихъ руководителей въ бою. Тяжелая утрата эта глубоко огорчила всѣхъ, знавшихъ храброго адмирала и уважавшихъ его высокія качества, его неутомимость и самоотверженіе.

Генералъ приказывалъ, между прочимъ, послать немедленно въ арсенальные и боевые склады въ городѣ сообщеніе о числѣ поврежденныхъ лафетовъ и принадлежности, а также объ израсходованныхъ зарядахъ и снарядахъ, для немедленнаго распоряженія о пополненіи недостающаго. Я вызвался исполнить это порученіе, чтобы улучшить минуту для свиданія съ своимъ семействомъ, судьба котораго въ высшей степени тревожила меня. Черезъ часъ я былъ въ объятіяхъ матери и сестры...

II.

НОЧЬ.

Страшный бой съ непріятельскимъ флотомъ кончился и не повторялся болѣе. «Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ», говоритъ русская пословица. Въ самомъ дѣлѣ, страшнымъ, тяжелымъ сномъ промелькнули для насъ событія этого дня и такъ же, какъ сонъ, они остались безъ видимыхъ, осязательныхъ послѣдствій. Вокругъ все то же, что было и прежде. Та же батарея, правда, кое-гдѣ взрытая непріятельскими снарядами; тѣ же орудія, кромѣ двухъ, трехъ подбитыхъ; тѣ же товарищи, кромѣ немногихъ убитыхъ, убитъ которыхъ не казалась даже естественною. Наконецъ, то же самое солнце, также свѣтло и радостно, и даже еще свѣтлѣе, еще радостнѣе, чѣмъ прежде, блестящее надъ нами; тотъ же воздухъ, ясный и чистый, какъ и всегда. Все то же самое. Что же случилось такое? Неужели это былъ только сонъ, страшный, тревожный, но мимолетный, безслѣдный сонъ.

Точно такимъ же тревожнымъ сномъ промелькнуло это событіе и для англо-французскихъ моряковъ. Но послѣдствія его были осязательнѣе для нихъ въ существенныхъ потеряхъ и несравненно ощутительнѣе въ моральномъ значеніи. Гигантскій ударъ колоссальной силы, казалось, былъ направленъ вполне вѣрно, нанесенъ вполне искусно; но онъ упалъ, не только не раздробивъ противоположной силы, но оставшись безслѣднымъ и безсильнымъ, подобно удару, нанесенному во снѣ, оставляющему въ тревожномъ сознаніи спящаго впечатлѣніе чего-то непостижимаго, невѣроятнаго и потому ужасающаго.

Въ моральномъ значеніи побѣда батарей надъ флотомъ была полною и совершенною. По числу убитыхъ и раненыхъ, по большей или меньшей серьезности поврежденій нельзя еще составить вѣрнаго за-

ключенія о дѣйствительныхъ результатахъ борьбы. Обыкновенно, бой 5-го октября считаютъ для обѣихъ сторонъ нерѣшительнымъ, не дающимъ никому права побѣды. Если судить только по матеріальнымъ послѣдствіямъ, не цифрамъ потерь въ людяхъ и утратѣ въ средствахъ борьбы,—это, пожалуй, такъ. Батареи не были уничтожены, не взлетѣли на воздухъ, не срыты, наконецъ, даже не приведены къ молчанію. Корабли также не были потоплены или взорваны, не сгорѣли, не превратились въ щепы. Они были только отражены съ урономъ, конечно, далеко меньшимъ, нежели предполагалось, преувеличивая, по недостатку боевой опытности, понятія о дѣйствіи выстрѣловъ.

Но тѣмъ не менѣе, моральная побѣда батарей была полною и совершенною. Это побѣда надъ идеею, надъ самообольщеніемъ, надъ предрассудками, укорененными вѣками. А такая моральная побѣда нерѣшительнѣе ли всякой матеріальной. Результаты такой побѣды именно были достигнуты боемъ 5-го октября. Они убѣдили моряковъ, вопреки ихъ вѣковымъ, основаннымъ на историческихъ преданіяхъ, убѣжденіямъ, что флотъ не сильнѣе батарей.

Съ тѣхъ поръ громадный непріятельскій флотъ остается лишь праздымъ зрителемъ сухопутной борьбы, не рѣшаясь ни на какое, хотя бы второстепенное участіе въ ней. Послѣ 5-го октября, только два раза, въ самую глухую, темную ночь, одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ рѣшился приблизиться къ береговымъ батареямъ, чтобы сдѣлать въ потьмахъ два-три залпа съ борта, большею частью по своимъ же траншеямъ, такъ какъ на батареяхъ не держали никакого огня и опредѣлить ихъ мѣсто съ моря не было никакой возможности. При второмъ изъ такихъ ночныхъ нападеній на пароходъ разорвало орудіе, что и положило конецъ всѣмъ нападеніямъ на Севастополь съ моря. Но установившійся за Херсонесскимъ мысомъ пароходъ, изъ одной бомбовой пушки, на элевационномъ станкѣ, подобномъ нашимъ, бросалъ иногда, преимущественно ночью, по одной бомбѣ, по направленію къ 6-му бастиону, въ городъ. Онъ зажгилъ собою взорванную нами непріятельскую батарею на Херсонесскомъ мысѣ, дѣйствовавшую въ томъ же направленіи.

Вообще, съ наступленіемъ зимняго времени непріятельскій огонь ослабѣлъ весьма значительно на всѣхъ пунктахъ осадной линіи. Только штуцерные стрѣлки зорко слѣдили за всѣми движеніями нашими на батареѣ. Болѣе другихъ страдали отъ нихъ наводчики. Такъ, фейерверкеръ Фіалковскій, наводившій орудіе, былъ убитъ пулею, попавшею ему въ лобъ, прежде нежели онъ окончилъ наведеніе. Старикъ

Широковъ, наблюдавшій изъ амбразуры за паденіемъ бомбъ при выстрѣлахъ и неосторожно высунувшійся впередъ въ своей бѣлой рубашкѣ, былъ также сбитъ пулею, попавшею ему въ ротъ и прошедшею чрезъ горло и шею въ затылокъ. Кровь, хлынувшая у него ртомъ, и судорги предсмертной агоніи въ нѣсколько минутъ покончили жизнь храбраго бомбардира. Хотя направленная имъ бомба выбила стрѣлковъ изъ ложаменты, на противоположной сторонѣ Карантинной бухты, но уцѣлѣвшіе изъ нихъ укрѣпились въ херсонесской церкви и продолжали дѣйствовать оттуда изъ штуцеровъ по батареѣ. Настала печальная необходимость разрушить собственными выстрѣлами свою русскую, православную церковь. И вотъ съ слезой въ глазахъ и болью въ сердцѣ мы направили туда свои выстрѣлы...

Но какъ ни тяжело было осаждаемымъ, солдаты не унывали. Часто они даже шутили надъ своимъ положеніемъ.

Отъ нечего дѣлать, во время затишья стрѣлбы солдаты подкрадывали стрѣлковъ различными выдумками. Такъ, иногда спускали на батареѣ бумажный змѣй, или ставили на брустверѣ вертящуюся мельничку изъ лучинокъ, съ наклеенными у концовъ бумажками. Французы пытались перебить выстрѣлами нить, удерживавшую змѣй, или сбить мельничку, что удавалось, однако, чрезвычайно рѣдко. Иногда ставили надъ брустверомъ набитое рогожами чучело, въ старой солдатской шинели и фуражкѣ, съ лопатою въ рукахъ. Скоро въ него вонзались десятки пуль, но, замѣтивъ неподвижность фигуры, французы угадывали обманъ и дружнымъ хохотомъ привѣтствовали удачную шутку.

Но вотъ наступила ночь, тихая и ясная. Она не прекращала дѣятельности дня, а только видоизмѣняла ее. Тамъ, гдѣ-то поодаль, въ кружкѣ солдатъ, раздается выводимая запѣвкой заунывно-торжественная пѣсня:

Что ни соколы крылаты,
Чуютъ солнышка восходъ!

Вдругъ, тонъ пѣсни и слова измѣняются совершенно неожиданно, темпъ ихъ ускоряется, и поддерживаемый акомпаниментомъ кларнета и бубна, переходитъ въ плясовую:

Ахъ, гдѣ же ты была, забарглася?
На дырявомъ мосту провалилася.

Направо, въ кучкѣ полулежащихъ солдатъ, старый артиллеристъ рассказываетъ сказку:

— Вотъ летитъ змѣй-горыничъ, шумитъ, гремитъ, точь въ точь какъ эта бомба.

И рассказчикъ указывалъ на пронесившумся съ шумомъ, высоко надъ нашими головами бомбу, направленную съ парохода къ 6-му бастиону.

Нагъво, въ другой нучкѣ, рассказывали, какъ солдаты надулъ хохла, утащивъ у него сало.

— Стойте, братцы!—отозвался вагониръ Тростинецкій, еврей по происхожденію и первостатейный плутъ по профессіи,—стойте! я тоже стащилъ разъ у мужика сало.

— Ты! Да на что тебѣ сало? Ты еврей, ты не ѣшь сала.

— Зачѣмъ же не ѣсть, когда оно вкусное? да и продать можно; отвѣчалъ еврей, не затруднившійся ни запрещенной ѣдой, ни запрещенными поступками.

— Вотъ иду я разъ вечеромъ, продолжалъ онъ, въ караулъ, на батарею № 8, за разсылнаго; иду позади всѣхъ, одинъ съ хлѣбомъ для караульныхъ. На встрѣчу ѣдетъ мужикъ и спитъ въ телегѣ, должно быть подвыпилъ маленько. Я взглянулъ въ телегу, вижу мѣшокъ; пощупалъ—сало. Никто не смотритъ,—я и станулъ мѣшокъ. Принесъ на батарею, а положить некуда. Въ караулѣ увидать солдаты и поѣдятъ, да еще спросятъ, откуда взялъ столько? Дайка лучше спрячу въ пушки, никто не найдетъ до завтра! Связано, сдѣлано! я всунулъ куски сала въ пушки и прикрылъ ихъ втулками. На бѣду мою, раненько утромъ, корабль, выходящій изъ бухты, началъ салютовать выстрѣлами батарейному флагу. Для отвѣта на салютъ, вызвали караулъ. Раздалась команда: первая—*пли!* вторая—*пли!* третья... Да что это такое шленаетъ въ воду? спрашиваетъ фейервернеръ. Я молчу, хоть вижу, что мое сало летитъ къ рыбамъ въ бухту. Я вложилъ его въ пушки, не зная, что онѣ заряжены для салюта. Такъ и пропало напрасно мое сало,—добавилъ плаксивымъ голосомъ Тростинецкій.

— Стало быть чужое добро въ прокъ нейдетъ,—съ хохотомъ отвѣчали ему солдаты.

Наконецъ все смолкло. Артиллеристы, кромѣ дежурныхъ, по одному у каждаго орудія, прилегли вадремнуть гдѣ и какъ случилось. Давно уже, съ самаго начала осады, мы не знали другаго крова, кромѣ свода небеснаго, другой постели, кромѣ сырой земли. Пользуясь своимъ привелегированнымъ положеніемъ и небольшимъ ростомъ, я занималъ обыкновенно самыя удобнѣйшія мѣста: въ дождь—подъ поворотной платформой, причемъ стоящая надъ нею пушка служила мнѣ импровизированною крышей; въ сильный вѣтеръ—за мортирою, станокъ которой прикрывалъ меня отъ него; въ ясную погоду

я помещая на срединѣ брусъ поворотной платформы, за орудіемъ, причѣмъ изголовья для меня служили удорные бруски, придѣланные къ концу этого бруса, для удержанія откатывающагося послѣ выстрѣла орудія съ лафетомъ. Это была лучшая и любимѣйшая изъ моихъ резиденцій. Отсюда я любовался невозмутною тишиною таинственнаго свода и безчисленными, блиставшими въ неизмѣримой дали, звѣздами. Вслушиваясь въ отдаленные звуки рѣдкихъ выстрѣловъ, производившихся то тамъ, то сямъ: въ передовой цѣпи, съ трапезой, или крѣпостныхъ валовъ, — чуть-ли не для собственного развлечения, — я также забывался тревожною дремотой, короткимъ, безпокойнымъ полусномъ.

Вдругъ раздается громкій отрывистый звукъ, какъ бы разрывающій глубокую тишину ночи; вздрагиваютъ, будто бы отъ взрыва, не только воздухъ, но и земля, и батарея, и море. Невольно вскакиваешь, думая съ просенка, что батарея сдѣлала общій, неожиданный захпъ. Своеобразный свистъ и движущаяся въ вышинѣ, какъ бы промежду звѣздъ, свѣтлая точка, дѣлаютъ понятнымъ, что это выстрѣлъ съ парохода, что бомба съ него, свѣтящая своей горящей трубкой, несется за 6-й бастионъ, въ городъ, именно туда, гдѣ было все, что для меня дорого... Съ чувствомъ безпокойнаго страха, съ сердечной тревогой, слѣдишь за ея полетомъ, молясь внутренно, чтобы трубка догорѣла скорѣе и вворвала бы бомбу на полетъ, подальше отъ цѣли. Напрасная надежда! Полетъ ея склоняется все ниже и ниже, ускоряется все болѣе и болѣе. И вотъ, съ сильнѣйшимъ шумомъ, подобно шуму открытаго паровика, бомба падаетъ на одно изъ горючихъ строеній. Раздается глухой далекій взрывъ и затѣмъ стукъ обрушившихся камней и черепицы, сыплющейся съ кровли, погребавшихъ собою убитыхъ и раненыхъ. Сердце болѣзненно сжимается...

Милосердіе Государя Императора успокоило много опасеній, подобно моимъ. Стало извѣстно что Государь поручилъ Своимъ Августѣйшимъ Дѣтямъ, Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, прибывшимъ подъ бомбы Севастополя, спасти напрасно гибнуція семейства севастопольцевъ выдачею имъ денежныхъ пособій на выѣздъ. Великодушіе, достойное Монарха, отца своихъ подданныхъ, спасшее множество невинныхъ дѣтей и женщинъ, и отклонившее величайшее изъ страданій, переносимыхъ защитниками Севастополя.

Мы видѣли Ихъ, Великихъ Князей, Дѣтей Великаго Государя, посѣтившихъ нашу батарею 7-го ноября 1854 года; мы слышали слова: «Государь прислалъ вамъ спасибо, за вашу молодецкую службу»;

мы знали о привезенныхъ Ими крестахъ св. Георгія, пожалованныхъ отличившимся въ памятный день 5-го октября, и съ восторгомъ встрѣтили Высочайшихъ Посѣтителей.

День этого посѣщенія особенно драгоцененъ для меня. Одинъ изъ крестовъ, привезенныхъ Великими Князьями, украсилъ мою грудь. Исполнивъ только свою обязанность, я сознавалъ, что моею наградою былъ болѣе обязанъ солдатамъ, нежели самому себѣ, и высказалъ имъ это.

Посѣщенію Великихъ Князей, а также слово одобренія, связанное незабвеннымъ героемъ Синопя и Севастополя, Нахимовымъ, одобрили и поддержали людей нашей батареи.

Вице-адмиралъ Нахимовъ, этотъ храбрѣйшій изъ храбрыхъ моряковъ, компетентный судья морскаго боя, съ любопытствомъ исстаго моряка слѣдившій съ 6-го бастіона за ходомъ битвы 5-го октября, видѣлъ число и выгодное расположеніе непріятельскихъ кораблей и, конечно, не могъ не оцѣнить искусства и мужества оборонявшихся. На другой же день, 6-го октября, онъ пріѣхалъ на батарею № 10 и, приказавъ собрать объ роты артиллеристовъ, съ свойственною ему простотою и энергіею, сказалъ намъ: «Вы защищались какъ герои; вами гордится, вамъ завидуетъ Севастополь. Если все мы будемъ дѣйствовать такимъ образомъ, то непремѣнно побѣдимъ и прогонимъ непріятеля. Благодарю, отъ всей души благодарю». Громкое «рады стараться» и восторженное «ура!» были отвѣтомъ храброму адмиралу. Каждый солдатъ, если не выросъ при этомъ, въ буквальный смыслъ, то возвысился въ собственномъ мнѣніи. Въ немъ развился и выросло чувство собственного достоинства, и слова эти вѣшали въ памяти каждого, кто удостоился ихъ слышать.

Другою почестью для артиллеристовъ батареи № 10-го было предпочтеніе, оказанное имъ предъ всѣми севастопольцами, въ Высочайшей наградѣ за 5-е октября. Они получили по три рубля, тогда какъ всѣмъ прочимъ сухопутнымъ и морскимъ батареямъ въ Севастополѣ назначено лишь по два рубля. Предпочтеніе это вызвано выраженіемъ главнокомандующаго, князя Меншикова, въ донесеніи о боѣ 5-го октября: «наиболѣе всего я опасался за батарею № 10-ю».

Новый выстрѣлъ съ парохода прервалъ нить моихъ воспоминаній. Но на этотъ разъ бомба не долетѣла. Ее разорвало въ воздухѣ. Крупные черенья и мелкіе осколки разнеслись въ разныя стороны съ разнообразными звуками, напоминавшими собою и свистъ брошеннаго камня, и звукъ лопнувшей басовой струны, и полетъ вспорхнувшей птицы, и жужжанье майскаго жука, и мяуканье кошки.

Мы давно уже ознакомились съ своеобразными боевыми звуками, и привыкли угадывать по нимъ далеко или близко и куда именно летитъ ядро, бомба или ея осколокъ. Но въ первое время, многіе изъ невичковъ въ бою немально наклонялись при свистѣ ядра, шуршанціи бомбы или гуденіи ея осколка, не умѣя еще отличать по звуку, гдѣ именно они несутся. «Не вланияйся», подшучивали бывалые; «всякому ядру, да черепку вланияться—сломнись шею; погоди, попадетъ, само сломить». Предъ упавшею же вблизи бабушкой-бомбой преклонялись какъ бывалые, такъ и не бывалые. Лежа на землѣ, шагахъ въ 10 или болѣе, отъ мѣста ея паденія, и подшучивая другъ надъ другомъ, ждали ея варыва, привѣтствуя этотъ варывъ общимъ хохотомъ, когда онъ обдавалъ всѣхъ землей, пескомъ и щебнемъ, а иногда и гравію. Въ такомъ случаѣ черепки, обыкновенно вылетающіе вверхъ и проносившіеся довольно далеко, не задѣвали никого изъ лежавшихъ. Большинство, болѣе благоразумное и дѣльное, почитало вообще глупымъ удалствомъ, пустымъ самохвальствомъ, не отдать почетнаго поклона старушкѣ-бомбѣ и подвергаться изъ пустаго ухорства вѣрной гибели. Но были и такіе удалцы-самодуры, которые оставались на ногахъ вблизи упавшей бомбы. Иные даже пытались остановить ногой катившееся на излетѣ ядро, или пропясать въ присядку, на крокъ бруствера, подъ штуцерными пулями, и, конечно, поплачивались за эту удалъ оторванной ногою или живнію (*).

Въ противоположность имъ были и такіе, преимущественно невички, которые, вмѣсто того, чтобы спокойно прилечь или посторониться, суетились и бросались, какъ угорѣлые, въ разныя стороны, увидя упавшую бомбу, или же бѣжали отъ прыгавшей или катившейся гранаты, часто въ томъ самомъ направленіи, по которому она прыгала и катилась. Они, по большей части, гибли жертвами своей суетливости. Подобный случай былъ съ канониромъ Тростинцевымъ; уходя отъ гранаты бѣгомъ, онъ свотнулся и упалъ ничкомъ, широко раздвинувъ ноги; граната лопнула у него промежъ ногъ, но только обожгла ему сидѣнье, нисколько не задѣвъ своими осколками.

— Вотъ-те и конфузія! да и какъ еще окомфузила-то! хохотали солдаты.

Однако, наблюдая спокойно, въ короткое время можно было привыкнуть различить по звуку полета: вправо или влево, вперед или назадъ упадетъ бомба и въ какомъ именно направленіи и даже въ какомъ числѣ, и въ какіе промежутки времени летать, по большей

(*) Такъ погибъ бомбардиръ Вакуленио. Подъ пьяную руку, онъ рискнулъ пустаться въ плясъ на брустверѣ, съ полуштофомъ въ одной и связкою баранковъ въ другой рукѣ, но былъ сбитъ штуцерною пулею.

части, гранаты и ядра съ извѣстныхъ батарей, обстрѣливавшихъ ту или другую мѣстность. Сообразно съ этимъ предпринимались предосторожности, дѣлались спокойно и самоувѣренно тѣ или другія передвиженія и уклоненія отъ угрожающей опасности.

Вообще мы приобрѣли уже достаточно опытности. Мы увѣрились, что и сегодня, и завтра, и многіе мѣсяцы, быть можетъ цѣлый годъ, будетъ продолжаться тотъ же самый бой, все еще оставаясь нерѣшеннымъ. Потому мы уже не увлекались, не горячились, не бросали снарядъ за снарядомъ безъ счета. Спокойно и самоувѣренно мы отвѣчали едва однимъ выстрѣломъ на пять непріятельскихъ, но не иначе, какъ совершенно точно наведя орудіе и обусловивъ всѣ шансы наилучшаго дѣйствія выстрѣла.

...Севастопольская опытность научила меня отвѣтить на два вопроса, совершенно противоположные: «какъ совершить подвигъ и гдѣ найти наиболѣе безопасное мѣсто въ бою». Не смотря на кажущуюся противоположность такихъ вопросовъ, на основаніи приобретенной опытности я отвѣчалъ бы почти одно и то же. Совершить подвигъ, значить добросовѣстно выполнить свою обязанность, быть именно тамъ, гдѣ кто поставленъ, сдѣлать все, что представляется возможнымъ, по мѣрѣ силъ крайняго разумнія, спокойной твердости и стойкости. Чтобы наиболѣе обезопасить себя въ бою, слѣдуетъ держаться именно своего мѣста, нести свою прямую обязанность, спокойно глядѣть на всякую опасность и благоразумно отклонять ее, никогда и нигдѣ не утрачивая необходимой твердости. Въ такомъ случаѣ поражаютъ только тѣ снаряды или пули, которые попадаютъ собственно въ тотъ пунктъ, гдѣ находишься; а это весьма рѣдкая случайность, нѣсколько вершковъ выше головы вправо или влево отъ нея дѣлаютъ уже ихъ безвредными. Это особенно справедливо для артиллеристовъ на батареяхъ и пѣхотинцевъ обороняющихся, въ большинствѣ случаевъ прикрытыхъ отъ прямого пораженія брустверомъ или траверсами. Не то бываетъ съ ищущими безопасности: отъ боевыхъ линій ихъ поражаетъ все, даже и не прямо направленное въ нихъ: осколки Богъ вѣсть гдѣ разорванной бомбы; камни стѣны, за которою они думали укрыться; шальная пуля; снарядъ на излетѣ, отраженный въ сторону какимъ либо мѣстнымъ препятствіемъ и попадающій туда, гдѣ его никакъ не ожидали; наконецъ, простое дѣйствіе пороховой силы и дыма, отъ разрыва бомбы въ тѣсномъ пространствѣ подвала или погребка, губящее сразу всѣхъ находящихся въ немъ; убиваетъ даже самая сырость этихъ, повидимому, укрывающихся отъ смерти, подваловъ и погребковъ, производящая холеру и

другія зараженія. При бомбардированіи Константиновской батареи, циркульничъ, желавшій спастись въ отхожемъ мѣстѣ, находящемся въ подвальномъ этажѣ, на сторонѣ совершенно противоположной бомбардировкѣ, со входомъ, изогнутымъ многими зигзагами, былъ достигнуть ядромъ, отражавшимся по зигзагамъ отъ стѣны въ стѣну. Ему оторвало ноги. Это заставило бывшихъ съ нимъ укрыться сивозъ дыры ватеръ-клозета, рискуя утонуть въ зловонной жидкости. Но если неизбежно умереть, то не лучше-ли, не честнѣе-ли умирать съ врагомъ лицомъ къ лицу, какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу?

Сонъ снова склонилъ меня, я забылся, не помню на долго ли... Внезапный ружейный залпъ передовой цѣпи, залегавшей по ночамъ предъ сухопутнымъ фасомъ нашей батареи, чтобы предупредить о наступленіи непріятеля со стороны карантина, разбудилъ меня. Тотчасъ же было сдѣлано съ батареей нашей нѣсколько выстрѣловъ картечью, въ предположеніи, что непріятель наступаетъ. Скоро объяснилось, однако, что тревога была ложною. Повѣрившій бдительность цѣпи унтеръ-офицеръ резервнаго баталіона поусердствовалъ чрезмѣрно. Зная, что большинство солдатъ этого баталіона молодые рекруты, незнакомые еще со службою, онъ вздумалъ испытать ихъ и дать имъ поучительный урокъ. Отойдя за линію цѣпи въ одномъ мѣстѣ, онъ въ темнотѣ ночи совершенно неожиданно появился въ другомъ, со стороны непріятеля и сталъ поспѣшно приближаться къ часовому. Молодой рекрутъ, узнавая по одеждѣ, что это свой, но, тѣмъ не менѣе, встревоженный внезапностію появленія и поспѣшностію подходящаго, окликнулъ его дрожащимъ голосомъ. Заключая по дражанию голоса, что рекрутъ струсиль, унтеръ-офицеръ продолжалъ приближаться молча. Рекрутъ окликнулъ вторично и голосъ его задрожалъ еще болѣе. Опасеніе убить своего и, сдѣлавъ выстрѣлъ, напрасно встревожить цѣпь и батарею, боролось въ немъ съ опасеніемъ пропустить подходящаго и неумѣнъ встрѣтить его штыкомъ по солдатски. Пока онъ оставался въ нерѣшимости, унтеръ-офицеръ подбѣжалъ къ нему, схватилъ за ружье, чтобы отклонить выстрѣлъ или ударъ штыка. Растерявшійся рекрутъ спустилъ курокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, закричалъ отчаяннымъ голосомъ. По выстрѣлу и крику этому, цѣпь, согласно отданныхъ заранѣе приказаній, сдѣлавъ залпъ, отступила поспѣшно полкомъ и батарея открыла огонь картечью. Къ счастью, у мортиръ погасъ фитиль на пальникѣ, выстрѣлы съ нихъ замедлились на минуту, иначе многія сотни нуль мортирной картечи, брошенной навѣсно, не дозволили бы цѣпи уйти благополучно даже и полкомъ. Такъ иногда излишняя рьяность и неумѣтность слу-

жебныхъ испытаній могутъ повести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ.

Впрочемъ, это былъ чуть ли не единственный случай несправности въ цѣпи и фальшивой тревоги, сдѣланной ею. Обыкновенно батареи могли оставаться совершенно спокойными, зорко оберегаемая бдительною цѣпью, ночью, когда темнота и тревожно настроенное воображеніе внушаютъ всевозможныя опасенія. Необходимы не только полное хладнокровіе и спокойствіе, но и особенная опытность, чтобы умѣть различать шумъ вѣтра, шелестъ травы или шорохъ ночныхъ птицъ, звѣрковъ и насѣкомыхъ отъ движенія приближающагося человѣка. Нужно хорошее знакомство съ мѣстностью, чтобы знать, откуда и какимъ образомъ могъ бы появиться непріятель и не ошибиться, принимая мѣстные предметы за непріятели. Поэтому въ цѣпи и особенно въ передовыхъ секретахъ, посылавшихся какъ можно далѣе подъ непріятельскія линіи и, наконецъ, въ вылазкахъ для ночныхъ нападеній на траншеи и батареи непріятели, особенно цѣпились люди, хорошо знакомые съ окрестною мѣстностью.

Изъ числа такихъ людей, въ резервномъ баталіонѣ нашей батареи наиболѣе отличался юнкеръ Алексѣевъ, мальчикъ лѣтъ 17-ти или 18-ти, поступившій на службу въ началѣ войны. Какъ мѣстный житель и притомъ охотникъ, онъ былъ хорошо знакомъ съ окрестностями и обыкновенно водилъ извѣстными ему путями ночные секреты и отряды охотниковъ для вылазокъ. Скоро эта новая охота обратилась для него въ страсть. Не было почти ни одной ночи, которую онъ не проводилъ бы въ секретахъ или на вылазкахъ. Постоянные участники этихъ вылазокъ, матросы, знали и дорого цѣнили своего молодого барчука, какъ они его называли.

Однажды на вылазкѣ, вскочивъ впереди другихъ въ непріятельскую траншею, онъ бросился къ французу. Маленькій, слабый здоровѣежъ, едва управлявшійся съ тяжелымъ пѣхотнымъ ружьемъ, юнкеръ, конечно, не устранилъ гиганта-француза. Послѣдній безъ труда выбилъ изъ его рукъ ружье и, схвативъ его за шиворотъ, понесъ съ собою, подобно тому, какъ кошка уноситъ котенка, но матросы тотчасъ же отбили своего любимца.

— Чуть не задушилъ, проклятый! — рассказывалъ намъ потомъ нашъ храбрый юнкеръ, и когда мы шутили надъ его безсильною храбростію, твердилъ, что онъ, во чтобы то ни стало, заслужитъ такой же Георгіевскій крестъ, какой носили уже мы. Онъ, дѣйствительно, былъ представленъ къ наградѣ крестомъ св. Георгія, но именныя награды выдавались не раньше какъ чрезъ мѣсяць по представ-

леніи, а кресты, выслывшіеся для награжденія за вылазки, раздѣлялись по приговору солдатъ или по жребію между ними, въ которые онъ не входилъ, какъ уже представленный къ именному кресту. Такъ и не дождался онъ своего креста.

Въ одной изъ вылазокъ, онъ, по обыкновенію, однимъ изъ первыхъ съ крикомъ «ура» вскочилъ на брустверъ непріятельской траншеи и, не окончивъ еще своего крика, съ разинутымъ ртомъ упалъ, прозенный на вылетъ двумя пулями. Матросы и здѣсь не покинули своего барчука. Не смотря на убійственный огонь, преслѣдовавшій всегда отступающія вылазки, они принесли съ собою трупъ любимаго соучастника опасной ночной охоты.

Уже въ гробу, провожаемый своею сестрою и мальчикомъ братомъ—сиротами, нашъ маленькій юнкеръ, бывшій старшимъ въ своемъ семействѣ, былъ встрѣченъ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами. Геройство молодого человѣка, засвидѣтельствованное предъ Ними, и горестное положеніе его семьи, обратили Ихъ Высокое вниманіе. Сироты были пристроены...

Вообще присутствіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Севастополѣ было благотворнымъ для всѣхъ и каждаго, одобряющимъ къ новымъ трудамъ и подвигамъ, какъ бы оживляющимъ упадавшій духъ и изнемогавшія силы у многихъ. Сколько слезъ осушено благодѣяніями Великихъ Князей! Сколько сердечной тревоги отвращено Ими спасеніемъ семействъ большинства изъ севастопольцевъ, не имѣвшихъ средствъ къ выѣзду!

Я помню одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ дней въ Севастополѣ, день Георгіевскаго праздника 26-го ноября 1854 года. У церкви св. Архистратига Михаила были собраны всѣ георгіевскіе кавалеры, для того, чтобы встрѣтить этотъ торжественный день вмѣстѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, въ то время пожалованными уже крестами св. Георгія, за отличіе въ бою на Ингерманскихъ высотахъ. Это былъ парадъ, но столько же простой, какъ было просто все у насъ въ Севастополѣ. Сѣрые солдатскія шинели и простыя фуражки участниковъ парада и такія же шинели и фуражки Ихъ Высочествъ и окружающей свиты не придавали блеска параду; только бѣлые кресты, съ черно-желтою ленточкой, мелькали на цѣломъ фронтѣ. Музыка не гремѣла, какъ обыкновенно на парадахъ, не раздавались даже слова лихой команды и тактъ молодецкаго марша, только тамъ, гдѣ-то вдали, звучали отголоски канонады и раздавались ружейные выстрѣлы.

Подъ эту далекую музыку Великіе Князья, по окончаніи литургіи въ церкви, поздоровались съ нами и поздравили съ праздникомъ.

Таковъ былъ семейный праздникъ георгіевскихъ кавалеровъ въ Севастополь. При всей простотѣ своей, онъ былъ полонъ глубокаго нравственнаго значенія. Въ семьѣ кавалеровъ ордена храбрыхъ, при звукахъ боевой палбы въ осажденномъ городѣ, соединились, какъ кажется, впервые всѣ представители этого ордена, отъ послѣдняго солдата до главнокомандующаго и до Сыновей Государя Императора, дѣлившихъ опасность и славу наравнѣ съ прочими севастопольцами и заслужившихъ этотъ крестъ какъ бы наряду съ ними же. Это соединеніе для семейнаго праздника, не смотря на простоту его и скромную обстановку, заключало въ себѣ много трогательнаго и знаменательнаго.

Тишина и спокойствіе ночи снова навѣяли на меня дремоту и заставили забыться на часъ. Но новая тревога разогнала сонъ... Она началась съ 6-го бастіона и была поддержана батареями всей оборонительной линіи. Клубы огня и дыма опоясывали городъ двойнымъ вѣнцомъ у оборонительной линіи и у непріятельскихъ траншей. Блестящія подобно звѣздамъ бомбы крутыми дугами переносились изъ города въ траншеи и изъ траншей въ городъ. Гранаты, освѣщаемыя красноватымъ отблескомъ огня отъ своихъ трубокъ, прыгали по кровлямъ города, отражаясь съ одной на другую. Синеватые огоньки ружейныхъ выстрѣловъ, подобные длинному ряду зажженныхъ свѣчей, появлялись и исчезали мгновенно. Грохотъ мортиръ и пушекъ, рѣзкій свистъ ядеръ, шипѣніе бомбъ и трескъ ружейной палбы сливались между собою въ какомъ-то адскомъ оркестрѣ, гармонирующемъ съ полною ужаса картиной цѣлаго моря дыма и пламени. Отъ звуковъ этого оркестра содрогались земля и море!

Но что было причиною подобной страшной тревоги?

Увы! не всегда великія причины производятъ великія дѣйствія. Такъ случилось и въ этотъ разъ. Тревога оказалась ложною. Причина была совершенно ничтожна.

На батарее, между № 10-мъ и бастіономъ № 6-мъ, называемую *Шемакиной* или *Полыжковою*, былъ доставленъ изъ цѣпи перебѣжчикъ-французъ. Матросъ, назначенный проводить француза въ городъ, избралъ кратчайшій путь чрезъ амбразуру 6-го бастіона, но, дойдя до амбразуры, сообразилъ, что если онъ полѣзетъ въ нее впередъ, то порученный ему французъ, быть можетъ шпионъ, успеетъ убѣжать. Потому онъ сдѣлалъ знакъ французу, чтобы онъ лѣзъ первымъ, и подсадилъ его, такъ какъ амбразура была довольно высоко.

Съ бастіона неожиданно увидѣли влѣзающаго француза. Кто-то закричалъ: *французы здѣсь, французы лѣзутъ въ амбразуры!* и орудія загремѣли залпами. Сосѣднія батареи открыли подобный же огонь, за ними вся линія. Непріятель, предполагая, что такая стрѣльба предшествуетъ сильной вылазкѣ, или прикрываетъ ее, отвлекая на себя дѣйствіе осадныхъ батарей, открылъ такую же учащенную стрѣльбу, и загорѣлась общая канонада, съ трудомъ прекращенная, когда все объяснилось.

У насъ долго хохотали надъ этимъ шумомъ изъ пустяковъ, надъ канонадой изъ-за одного француза, попавшаго, по олошности перевозатаго, въ батарейную амбразуру, забывая, однако, что за два часа передъ тѣмъ мы сами произвели было чуть ли не такую же тревогу изъ-за излишняго усердія унтеръ-офицера.

На войнѣ, особенно въ ночное время, необходимо быть крайне разборчивымъ и осмотрительнымъ, чтобы не произвести ложной тревоги, необходимо, будучи часовымъ въ цѣпи, или при орудіи, какъ можно точнѣе удостовѣриться не только въ томъ, что слышишь, но даже и въ томъ, что видишь собственными глазами. Поспѣшишь, людей насмѣшишь. По иногда, наоборотъ, прозвѣваемъ что либо особенно важное. Такъ, однажды одинъ изъ нашихъ солдатиковъ вызвался среди бѣлаго дня посмотреть и сосчитать число орудій на непріятельской батарее. Онъ скрытно подползъ къ батарее и, перегнувшись черезъ брустверь, заглянулъ въ ея внутренность; французы, обѣдавшіе какъ разъ подъ тѣмъ мѣстомъ, откуда онъ смотрѣлъ, принявъ его за подшучивающаго надъ ними товарища, громко захохотали. Засмѣялся вмѣстѣ съ ними и нашъ солдатикъ, а какъ онъ сосчиталъ уже орудія, то и поспѣшилъ обратно. На другой день у насъ стояло уже гораздо болѣе орудій, нежели на непріятельской батарее, и она легко и скоро была сбита. Такимъ образомъ, французы сами посмѣялись надъ своею олошностью вмѣстѣ съ отважнымъ соглядатаемъ-солдатикомъ.

Наконецъ, начало разсвѣтать. Скоро взошло солнце и ярко освѣтило и море, и батареи, и окрестности. Севастопольская ночь, — не боевая, а простая, обыкновенная, съ ея мнимыми опасеніями, ложными тревогами и волненіями, тревожная и безпокойная, окончилась. Наступилъ день.

II. Набенчиковъ.